

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Р У С С К И Й Д Е Т Е К Т И В

а л е к с а н д р

ГОРСКИЙ

ГОРОД ПСОВ

Современный русский детектив

Александр Горский

Город псов

«Центрполиграф»

2021

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Горский А. В.

Город псов / А. В. Горский — «Центрполиграф»,
2021 — (Современный русский детектив)

ISBN 978-5-227-09625-8

Лето – сезон отпусков. Счастливики уезжают на теплые моря, а неудачники остаются на службе, и риск получить в производство безнадёжное дело увеличивается многократно. Следователь Илья Лунин в своем областном следственном комитете плотно застрял в категории середнячка без перспектив. Вот и на этот раз ему поручили два сложных дела. На семью, остановившуюся на пикник, совершено жестокое нападение. Жена и дочь погибли, а умирающий глава семьи случайно обнаружен другими проезжающими мимо путешественниками. Свидетелей нет, улик тоже нет. Но и это еще не все. Последние полтора года в области происходят жестокие убийства женщин. Поначалу все они рассматривались как единичные преступления, и только сейчас становится ясно: все они – дело рук одного и того же преступника. «Город псов» – первая книга из цикла о следователе Илье Олеговиче Луние. Она о том времени, когда Лунин открыл в себе способность распутывать сложные криминальные загадки и в его жизни появилась Рокси!

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09625-8

© Горский А. В., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Глава 1,	7
Глава 2,	18
Глава 3,	22
Глава 4,	28
Глава 5,	44
Глава 6,	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Александр Горский

Город псов

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Современный русский детектив»

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

© А.В. Горский, 2021

© «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2021

* * *

Глава 1, *в которой Лунин знакомится с новым делом, а мы знакомимся с Луниным*

Август 2019 года

Свернув с шоссе, старенький «лендкрузер» замедлил ход, а метров через двести и вовсе остановился. Ближе к реке подъехать было уже невозможно: крутой склон, заросший густым кустарником, являлся непреодолимым препятствием даже для внедорожника. Но смысла спускаться и не было. С возвышенности открывался великолепный вид на реку, которая чуть ниже по течению описывала замысловатую петлю, а затем вновь устремлялась на север, как делают почти все сибирские реки. Недовольно фыркнув, дизельный двигатель умолк, но из машины так никто и не вышел.

– Ну прекрати, – Наташа с улыбкой отстранилась от мужа, – здесь же люди.

– Да ладно, – Никита бросил взгляд на стоящий метрах в пятидесяти белоснежный БМВ, – видишь, нет никого. Небось, сидят в машине и тем же самым занимаются. – Он вновь потянулся к жене.

– Давай хоть назад пересядем, – Наташа тоже взглянула на застывший в тени огромной сосны белый внедорожник, – там стекла тонированные, да и вообще...

– И вообще удобнее, – просиял Никита.

Десять минут спустя, когда Наташа уже делала бутерброды на небольшом раскладном столике, Никита неторопливо один за другим выпускал в небо клубы серого дыма. Докурив сигарету и бросив ее с обрыва, он оглянулся и посмотрел на хлопчущую возле стола жену. Они впервые за год выбрались куда-то вдвоем, оставив Гришку на попечении Наташиных родителей. Еще три часа в пути, и они будут в Среднегорске. Конечно, не столица, но в сравнении с Аликаново вполне себе мегаполис. Номер в отеле он уже забронировал, Наташке должно понравиться. Но самое главное – это приготовленный им сюрприз, о котором жена даже не догадывается. Рука непроизвольно коснулась кармана джинсов, где в бумажнике из крокодиловой кожи прятались два билета на концерт «Ленинграда». Прощальный тур, как пропустить? Хотя, скорее всего, лет через пять можно будет сходить еще разок. А потом еще. Сейчас у всех много прощальных туров, так принято. Но это когда будет, а жизни радоваться надо сейчас, пока они еще молоды. Никита взглянул на белый автомобиль. Его пассажиров по-прежнему не было видно. Странно, купаться они уйти не могли, спуск здесь совсем неудобный, а больше на берегу деться было некуда. Может, спят?

– Никитка, ты обедать идешь? – позвала Наташа.

– Лечу, – откликнулся Никита и прищурился, прикрывая глаза от бьющего в лицо солнца. Ему показалось, что белый внедорожник моргнул габаритами, как обычно бывает, когда машину ставят на сигнализацию или снимают. Вот только кто мог это сделать, ведь, как и минуту назад, поблизости никого из людей не было видно, лишь доносился гул мчащихся по шоссе большегрузов. Белый автомобиль вновь блеснул габаритными огнями.

– Никита! – В голосе Наташи отчетливо слышалось нетерпение.

– Иду я, иду. – Никита шагнул было к жене, но тут белый внедорожник вновь призывно моргнул. Никита нахмурился и широким шагом направился к непонятному автомобилю.

* * *

Голову приподнять он уже не мог, поэтому все, что видел, – это была пожелтевшая под ярким солнцем трава и ноги, которые постепенно приближались к нему. Не доходя метров десять ноги остановились, возможно, их владелец сомневался, стоит ли подходить ближе. Скорее всего, все дело было в траве, слишком уж она разрослась за лето, и теперь в ней почти ничего не возможно увидеть. Он еще раз нажал кнопку на брелоке и попытался закричать, во всяком случае, открыть рот он точно сумел. Может быть, у него что-то и получилось, сам он не понял, но ноги вновь продолжили свое движение в его сторону. Им оставалось сделать всего шесть, пять, четыре... на счете три он потерял сознание, и рука, сжимающая окровавленный брелок, бессильно разжалась.

Из всех летних месяцев август нравился Илье Лунину больше всего. Недолгая, но изнуряющая июльская жара, от которой лицо Лунина непрерывно покрывалось мелкими капельками пота, уступила место приятному дневному теплу, с наступлением сумерек переходящему в легкую, несущую свежесть прохладу. Неторопливо прогуливаясь по аллеям невзрачного сквера, который власти города с внушающим уважение упорством гордо именовали парком, и размышляя о том, в какой последовательности можно расположить все двенадцать месяцев по степени убывания его к ним любви, Илья был вынужден признать, что июнь почти ничем августу не уступает. И все же август он поставил на первое место в своем списке. Все дело было в том, что Илья, или, как звали его некоторые коллеги, Илья Олегович, любил грустить. Не так чтобы сильно, совсем чуть-чуть, в той степени, когда на лице появляется едва уловимое выражение не то удивленного разочарования, не то разочарованного удивления, а лоб пересекает глубокая складка, свидетельствующая о неустанной мыслительной деятельности. По какой-то никому не ведомой причине Илья Лунин был абсолютно уверен, что именно это выражение больше всего подходит к его мягкому округлому лицу, которое сам он всегда считал чересчур мягким и слишком округлым.

По мнению Ильи Олеговича, поводов для грусти хватало всегда, и сами они были столь обильны и разнообразны, что даже не стоило пытаться их все классифицировать. Но в августе по сравнению с июнем одним таким поводом всегда было больше. Он был столь же очевиден, как и то, что нависшее над городским парком облако, стремительно увеличивающееся в размерах и меняющее цвет с грязно-белесого на темно-серый, переходящий в черноту, вот-вот превратится в полноценную дождевую тучу.

Осень! Ее неумолимое приближение, еще почти незаметное в начале августа и тем не менее такое предсказуемое и ожидаемое, и было тем весомым поводом для легкой грусти, которым при всем желании не мог похвастать красавец-июнь. Немного поколебавшись и вспомнив про тополиный пух, заполняющий улицы Среднегорска в последнюю неделю июня и передаваемый словно рассыпавшаяся в прах эстафетная палочка преемнику-июлю, Лунин окончательно укрепился в осознании превосходства августа над другими месяцами года.

Конечно, кому-то могло показаться странным, что человек вполне взрослый, а уже почти сорокалетний Лунин имел некоторые основания считать себя таковым, и вполне неглупый, а к этой категории Лунин себя относил вне зависимости от наличия оснований для данного утверждения, грустит о наступлении осени в первых числах августа. Гораздо сподручнее делать это в конце октября, когда затяжные холодные дожди окончательно смывают с деревьев и кустарников их фальшивую позолоту. Однако, по мнению Лунина, подобный тезис был абсолютно неверным. Какой смысл грустить о том, что уже случилось? Разве грустит умерший о своей смерти? Точного ответа на последний вопрос Ильи Олегович, конечно, не знал, но подобное сравнение казалось ему весьма уместным и, более того, поэтичным. Об осени надо грустить

летом, о наступающей старости – в расцвете сил, а о смерти... О смерти надо думать, пока ты еще жив, ведь наверняка потом подумать об этом уже не будет никакой возможности. Подобный ход мыслей казался Лунину достаточно логичным, а способность к логическому мышлению представлялась Илье Олеговичу основным отличительным свойством разумного человека. Илья Олегович вообще очень уважал как саму логику, так и людей, ею обладающих. Скорее всего, причиной этому являлось место работы Ильи Олеговича. Как гласили золотые тисненные буквы на его визитках, Илья Лунин работал следователем по особо важным делам в Среднегорском областном управлении следственного комитета. Работал, а точнее, нес службу Илья Олегович в не самом низком, но и не особо высоком звании майора, о чем красноречиво говорили звезды на его погонах. Звезд было две. Одна располагалась на правом плече, другая, что было вполне логично и соответствовало представлениям Лунина и его коллег по следственному управлению о симметрии, – на левом. За последние полгода руководитель областного управления полковник Хованский пару раз намекал на скорое представление Лунина к очередному званию, добавляя при этом неизменное «если все сложится», но, к глубокому сожалению как самого Ильи, так и его супруги Юленьки, эти намеки так и не превратились во что-то более осязаемое. Так что менее чем за месяц до своего сорокалетнего юбилея Лунин по-прежнему оставался майором, а спросить у Хованского, что именно не сложилось, Илья Олегович в силу своей природной скромности не решался.

Юленька скромность супруга совершенно не одобряла. По ее мнению, которое она регулярно высказывала, для человека, работающего в следственных органах, да еще и майора (почему она именно майоров выделяла в отдельный подвид, Юленька не уточняла), подобная скромность была синонимом мягкотелости и нерешительности. Лунин, не любивший спорить вообще, а с Юленькой в особенности, натягивал старые стоптанные кроссовки сорок четвертого размера или, если было особенно холодно, зимние ботинки, которые были на размер больше, так как под них Илья иногда надевал шерстяные носки, и уходил гулять в расположенный поблизости сквер, гордо именуемый парком 60-летия Октября. В какой-то мере, и это его сильно печалило, Илья был согласен с Юленькой. Он действительно был до некоторой степени мягкотел, о чем ему регулярно, изо дня в день с самого утра напоминало зеркало в ванной. Конечно, как всякий почти сорокалетний мужчина, начинающий подозревать, что, карабкаясь вверх по склону, он уже незаметно для себя самого миновал вершину, Илья Олегович пытался со своей мягкотелостью бороться. Он периодически втягивал предательски выпирающий из-под застегнутого пиджака живот, расправлял на самом деле достаточно широкие плечи и пытался выставить вперед небольшой округлый подбородок, чтобы придать ему максимально возможную брутальную квадратность. В таком виде он мог минуту, а порой даже две постоять перед зеркалом, предварительно убедившись, что дверь в ванную закрыта на задвижку, а иногда, совсем изредка, даже пройти по коридору следственного управления. Впрочем, на ходу сил и терпения более чем на минуту уже не хватало.

Последние несколько месяцев, начиная с апреля, Лунин гулял в парке ежедневно, вне зависимости от того, успела ли Юленька высказать ему свое неодобрение. Как и многие мужчины, чей возраст приближается или уже перевалил за сорокалетнюю отметку, Илья Олегович периодически посвящал время, в том числе и рабочее, просмотру сайтов, посвященных столь актуальным для него вопросам, как кризис среднего возраста и здоровье мужчин все того же ничем не примечательного среднего возраста. Информации на эти животрепещущие темы в Интернете было много. Пожалуй, даже слишком много, чтобы иметь возможность ознакомиться с ней без ущерба для тех дел, что находились у него в производстве, но Лунин, будучи человеком здравомыслящим, понимал, что всегда надо уметь делать выбор, а заодно уметь чем-то жертвовать. Жертвовать собой он был явно не готов, поэтому, обложившись пухлыми папками и создав тем самым на столе рабочую атмосферу, он увлеченно посвящал максимум возможного времени изучению интересующих его вопросов. Многочисленные сайты давали

разную, порой совершенно противоречивую информацию, но почти все они, особенно те, которые затрагивали темы мужского здоровья и долголетия, в частности здоровья и долголетия мужчин, имеющих некоторую склонность к полноте, настаивали на том, что необходимо ежедневно проходить расстояние не менее семи тысяч шагов, а еще лучше, если их, этих самых тысяч, будет все десять, а то и больше.

И вот в апреле, в разгар весны, когда многие мечтающие о красоте и стройной фигуре граждане начинают бегать, а то и посещать фитнес-клубы, Лунин начал гулять. В гордом одиночестве он в течение часа, а то и дольше, вышагивал по дорожкам парка, после чего, переполненный чувством выполненного долга и в предвкушении плотного ужина, направлялся домой.

Вот и сегодня высокий, несколько полноватый мужчина средних лет неторопливо мерил шагами узкие, причудливо извивающиеся дорожки парка, не обращая никакого внимания ни на остальных гуляющих, чье число отчего-то с каждой минутой становилось все меньше и меньше, ни на гигантскую, причудливой формы тучу, постепенно подбирающуюся к нему все ближе и ближе.

Она сделала это первой. Устремившись вниз с высоты около полутора километров, она неслась к земле все быстрее, но затем начало сказываться сопротивление воздуха, и скорость падения стабилизировалась. Падать оставалось еще около тысячи метров, чуть больше минуты, если измерять высоту временем. Чуть больше минуты жизни, а затем всё – небытие. Тем, кто полетят за ней, причем не сразу, чуть позже, может быть, минут через десять, им повезет больше. Веселой гурьбой, шумными дождевыми потоками они побегут по черному блестящему асфальту, заполнят свежевыложенные тротуарной плиткой дорожки, газоны, размоют протоптанные любителями срезать путь тропинки. Но все это будет не с ней. Она первая, а первые всегда погибают. Быстро и почти бесследно. Возможно, там, на стремительно приближающейся земле никто и не заметит ни ее появления, ни ее гибели. Лететь оставалось всего несколько метров, хотя кто же измеряет остаток жизни в метрах?

Большая холодная капля с силой щелкнула Илью по носу. От неожиданности он вздрогнул, но прежде, чем успел сделать что-либо еще, вторая дождевая капля скользнула по его щеке. Илья задрал голову и наконец заметил то, на что остальные, не столь поглощенные размышлениями, любители вечерних прогулок обратили внимание еще минут десять назад. Не желая попасть под проливной дождь, они один за другим потянулись к выходам из парка, тихо исчезая посреди вечерней городской серости.

Спустя пару минут Лунин остался в парке один. Он стоял запрокинув голову к небу и глядел на огромную черную тучу, нависшую прямо над ним, словно неведомое, но, несомненно, опасное чудовище. Высоко, в тысяче метров над землей, налетевший порыв ветра заставил дремлющего черного зверя содрогнуться и открыть глаза. Какое-то время зверь видел под собой лишь безликое серое месиво, затем начал различать квадраты кварталов, рассеченные перпендикулярами узких улиц, пытающиеся казаться высокими, но такие ничтожные с его точки зрения многоэтажки, людей, трусливо спешащих укрыться от его взгляда в своих тесных бетонных саркофагах. Наконец, он увидел смотрящего прямо на него Лунина. На мгновение взгляды их встретились, а затем зверь обрушил на наглеца потоки своего гнева.

– Ты что, Илюша, болеть удумал? – ласково поинтересовался Хованский. – Так это зря. Не время сейчас, совсем не время.

– Да? И сейчас тоже? – Оглушительно высморкавшись, Лунин спрятал носовой платок в карман.

– Сейчас особенно.

Дмитрий Романович выбрался из своего огромного кресла, внушающего не меньшее уважение, чем сама занимаемая хозяином кабинета должность, и подошел к окну.

– Ты глянь, погода какая! Я вот смотрел утром прогноз, у нас сегодня днем теплее, чем в Крыму, будет. В Крыму! – Дмитрий Романович ткнул указательным пальцем куда-то вверх, очевидно показывая, как высоко находятся позиции Крыма в его личном погодном рейтинге в сравнении с родным Среднегорском. – А ты болеть собрался. И чего вдруг?

– Так ведь дождь вчера был, вечером, – с неохотой начал объяснять Лунин, – а я в парке гулял. Пока до дома добежал, так уже промок насквозь. И теперь вот. – Он сконфуженно замолчал.

– Что – вот? – обеспокоился Хованский. – Ежели ты, милый мой, на больничный собрался, то и думать забудь. Ты меня понял?

– Я понял. – Из груди Лунина вырвался тяжкий, полный тоски вздох, который полковник невозмутимо проигнорировал.

– Так вот, Илюша, – оторвался от созерцания происходящего за окном Хованский, – я ведь тебя по делу вызвал.

Начальник областного управления хитро прищурился, словно ожидал, что подобным заявлением сможет удивить подчиненного. Не дождавшись должной реакции, Дмитрий Романович разочарованно цокнул языком и вернулся в свое кресло.

– Бумажки у себя в кабинете потом посмотришь, – он придвинул Лунину тонкую папку, – пока слушай сюда. В Аликановском районе вчера было тройное убийство. Тройное, Илюша! Картина примерно такая. Муж, жена и взрослая дочка едут по трассе на машине. Машина, кстати, не абы какая, «БМВ Х7». Ехали они, ехали, проехали Аликаново и решили свернуть к речке, пообедать, так сказать, на природе, в живописном местечке. Потом туда свернул кто-то еще, а может, эти кто-то уже там были, нам пока неизвестно. Так или иначе, к трем часам дня возле машины лежали три тела, их нашли еще одни любители красиво покушать. Жена и дочка уже совсем померли, а глава семейства еще хрипел. Ну, конечно, скорую сразу вызвали, мужика в реанимацию. Там он пока и лежит.

– А почему тогда убийство тройное? – удивился Лунин. – Кто третий?

– Ну кто третий? Он и третий, – усмехнулся Хованский, – я с начальником аликановского управления только что общался. Врачи говорят, что мужик этот столько крови потерял, что вообще непонятно, как он жив до сих пор. Они сейчас его в медикаментозную кому ввели, но прогноз печальный. До завтрашнего утра вряд ли дотянет.

– Его допрашивали до того, как ввели в кому?

– Да какой там, – махнул рукой полковник, – он, считай, все время без сознания был, говорят, ненадолго в себя пришел, похрипел малость и опять отключился.

– Печально. – Лунин осторожно подтянул к себе папку и вновь уставился на Хованского, пытаясь изобразить максимальную заинтересованность его рассказом.

– Печально, Илюша, печально, – согласился Дмитрий Романович, – печально то, что в Аликановском районе такие дела бывают редко.

Брови Лунина удивленно поползли вверх.

– Я вот глянул их статистику за пару лет. Тридцать восемь убийств всего было.

– Надо больше? – решил уточнить Илья.

– Ты слушай! Больше ему надо, – поморщился Хованский. – Из этих тридцати восьми двадцать четыре – это дома по пьяни. Там и искать никого не пришлось, одно тело мертвое, другое рядом никакое. Двенадцать случаев – это какие-то разборки, причем уровня, кто чье место для парковки занял. Там тоже все не особо сложно. И два эпизода было – реально криминал. Но в одном случае преступник засветился на камеру у подъезда, его потом опознали, а в другом к ним Добрынин ездил, почти месяц там проторчал, но размотал дело.

– Так у них что, – еще больше удивился Лунин, – по убийствам стопроцентная раскрываемость? Так разве бывает?

– А! Дошло? – обрадовался Дмитрий Романович. – Не бывает. Ни у кого не бывает. В нашем федеральном округе Аликановский – единственный район с таким показателем. Их хоть сейчас на ВДНХ посылать можно и там за деньги показывать.

– ВВЦ, – поправил Лунин.

– Чего? – Хованский нахмурился и недовольно взглянул на подчиненного.

– Теперь ВВЦ. Всероссийский выставочный центр, – объяснил Илья, – давно ведь переименовали, в начале девяностых еще.

– Да? – ехидно усмехнулся Дмитрий Романович. – Самый умный? Уже полковников учить можешь?

– Ну, так это же не я, – под пристальным взглядом руководителя Лунин почувствовал себя неуютно, – это они там, в Москве. Вы же знаете, им лишь бы переименовать что-нибудь.

– Вот именно, лишь бы переименовать, – кивнул Хованский, – вот они и переименовывают. Сначала туда, потом обратно. Так что опять у нас ВДНХ имеется. Достижений, понимаешь ли, много, так что никак нам без выставки.

– Что, правда? – не сдержался Лунин и тут же почувствовал, как смущение раскаленной лавой прокатилось по лицу. – Простите, товарищ полковник.

– Прощаю, – кивнул Хованский, – должен будешь.

Он потер кончик носа и хитро взглянул на Лунина.

– Должен ты будешь, Илья, наш выставочный экземпляр в его нынешнем виде сохранить. То есть оказать им полное содействие в поддержании стопроцентной раскрываемости. А то раскрываемость у них на высоте, а ни одного следователя с опытом таких дел нет.

– Я так понимаю, мне завтра ехать? – Лунин прижал рукой к столу картонную папку, словно опасался, что она захочет от него убежать обратно к Хованскому.

– Да хоть сегодня, – Дмитрий Романович непринужденно откинулся на спинку кресла, – если был бы хоть какой-то шанс, что потерпевшего допросить можно будет, я б тебя уже в машину запихал. А так решай сам.

– Тогда уж с утра, – уныло протянул Илья. Ехать на ночь глядя за триста километров спасать уникальные показатели Аликановского района Лунину совсем не хотелось.

– Ну как знаешь, я тебя не тороплю. – Дмитрий Романович едва заметно улыбнулся. – Ладно, иди собирайся. Ты, главное, там постарайся побыстрее со всем разобраться. Работы и здесь хватает, а у нас народ в отпусках.

На обочине промелькнула табличка с перечеркнутым названием города, Лунин машинально взглянул на часы: семь тридцать две. Если дорога не будет сильно загружена, то через три часа он доберется до Аликаново. Конечно, стоило выехать пораньше, часов в шесть, тогда он теоретически мог быть в районном управлении уже к началу рабочего дня, но затянувшийся глубоко за полночь неприятный разговор с Юленькой стал причиной того, что, отключив завибрировавший в пять утра телефон, Лунин мгновенно заснул и вновь открыл глаза лишь в двадцать минут седьмого – то время, когда он изо дня в день обычно просыпался, чтобы отправиться на работу.

Разговор с женой назревал давно. Хотя, почему назревал? Он уже давно созрел, и только нелюбовь Лунина к выяснению отношений и громким спорам, а как он прекрасно знал, все споры обязательно заканчивались разговорами на повышенных тонах, не давала этому разговору свершиться гораздо раньше.

Илья уменьшил масштаб карты в навигаторе. Километров за двадцать до Аликаново он будет проезжать место нападения. Можно будет свернуть и как следует самому неторопливо все осмотреть. Лунину всегда нравилось находиться на месте преступления одному. Это давало возможность никуда не торопиться, не отвлекаться на глупую болтовню и переругивания оперов или комментарии криминалистов. По мнению Лунина, если не все, то подавляющее боль-

шинство членов следственных групп, выезжающих на место того или иного преступления, были объединены одним и тем же искренним желанием как можно скорее это самое место покинуть и, вернувшись в тесноту своих маленьких кабинетиков, укрыться за баррикадами письменных столов, с водруженными на них, словно пулеметы, мониторами компьютеров. А что, чем не пулемет? Прильнул к нему и строчишь, строчишь. Дело обрастает документами, протоколами, справками. А там, глядишь, и свидетель какой появится или подвернется удачное видео с камеры наблюдения. Ну а ежели ничего такого не случится, то всегда есть что предъявить руководству. Видите, сколько томов? Не зря хлеб едим. Ну а неудачи... что неудачи? Неудачи у всех бывают, даже у самых лучших. Это мы как раз о себе, если вы вдруг не поняли.

А вот эта фраза: «Ты не мужик!» Размышления Лунина вновь перескочили на вчерашний разговор с женой. Вот что это значит? И почему это было сказано с такой злой уверенностью? Странно, четыре года назад, когда они познакомились, он был, по мнению Юленьки, вполне себе мужик, а сейчас неожиданно перестал им быть. Во всяком случае, неожиданно для него самого. Быть может, жене со стороны виднее? Илья взглянул в зеркало заднего вида, но оно было слишком мало, чтобы по отражению в нем можно было точно определить гендерную принадлежность. Вот что за четыре года изменилось? Да не так уж и много. Во-первых, через пару месяцев после их знакомства, то есть почти четыре года назад, он получил майора. Но вряд ли именно это могло сердить Юленьку. Во-первых, это было уже достаточно давно, а во-вторых, майор – это все же лучше, чем капитан. Солиднее. Да и как ни крути, добавка за звание тоже капает. Какая ни есть, но все же. Конечно, раньше на погонах было по четыре звездочки, а теперь одна, зато покрупнее. И просвета тоже теперь два. Нет, майор – это не так уж плохо. Тогда что еще? Конечно, за эти годы он немного поправился, но ведь совсем немного. Килограмма на три-четыре, не больше, ну, на пять максимум. При его росте это не так уж и заметно, а когда он втягивает живот, вовсе почти ничего не видно. Лунин вновь бросил взгляд в зеркало и вздохнул. Наверное, надо заняться своим весом. Если уж все равно он каждый день ходит гулять, то можно не просто уныло слоняться по парку, а начать бегать, возможно, от этого толку будет больше. К тому же кроссовки у него есть. Вот что еще могло поменяться? Да вроде ничего. Хотя необходимость кое-что сменить уже явно назрела. Например, машину. Старенький «форд» давно было пора отправить на свалку. Во всяком случае, так утверждала Светочка, секретарь Хованского, а Светочка просто так болтать не станет. В целом Илья был с ней согласен. Единственным минусом, пока удерживающим Лунина от приобретения новой машины, было то, что ее покупка сопровождалась получением кредита, который затем предстояло отдавать в течение ближайших пяти лет. В лучшем случае трех. В любом случае в расчётной таблице выскакивала приличная сумма переплаты, от одного взгляда на которую у Ильи моментально портилось настроение. Убрав руку с руля, Лунин задумчиво потер переносицу. Конечно, брать в банке одну сумму, а отдавать в конечном итоге на треть больше не хочется. Зато потом у него будет отличная машина-трехлетка без всяких обременений. Илья зевнул и на мгновение зажмурился.

Майорский погон вращался в воздухе прямо перед лицом Лунина. На всякий случай Илья провел рукой над погоном, чтобы проверить, вдруг он висит на какой-то очень тонкой, невидимой леске. Но лески не было. Да и если бы она была, то непонятно, к чему ее можно было бы крепить, ведь над головой Лунина потолка тоже не было. По идее, если нет потолка, то должно быть небо. Солнечное, звездное, облачное, какое-нибудь, но небо. Однако неба тоже не было. Не было вообще ничего. Был только Лунин и вращающийся перед ним майорский погон. Внезапно Илья заметил, что звезда на погоне начала тускнеть, края ее стали размазанными и постепенно слились с синим фоном. Илья зажмурился и тряхнул головой, прогоня наваждение, а когда открыл глаза, звезды на погоне не было вовсе, как не было и самого погона. Перед Луниным вращался синий продолговатый кусок картона, пересеченный двумя параллельными полосками. Этот кусок картона прямо на глазах Лунина начал менять форму, он становился

все уже, все тоньше и бледнее, и вскоре Илья догадался, что же видит перед собой на самом деле. Точно! Илья вспомнил, как пару лет назад они вместе с Юленькой заходили в аптеку, и он с любопытством разглядывал эти самые узкие кусочки картона. Вот только полосок на них еще не было, полоски должны были появиться позднее, но отчего-то так до сих пор и не появились.

Глаза он открыл в последний момент. На долю секунды, такую жизненно важную, последнюю, когда еще было можно принять решение, мозг растерялся, а затем лишь обреченно констатировал – все, уже не успеть, однако руки, повинаясь, очевидно, напрямую не связанному с сознанием инстинкту выживания, отчаянно крутанули руль в сторону. Все, что мог сделать водитель встречной фуры, уже и так максимально ушедшей вправо, – это еще раз посигнализировать пролетевшему в считанных сантиметрах от его бампера внедорожнику. Вернувшись в свою полосу, Лунин убрал ногу с педали газа. Еще некоторое время «эксплорер» катился по инерции, затем постепенно начал замедляться. Остановившись на обочине, Илья включил аварийку. Вопреки распространенной поговорке, сердце вовсе не ушло ни в какие пятки, наоборот, судя по всему, от страха оно подпрыгнуло и теперь неистово билось прямо в голове Лунина, отчего каждый его удар отзывался резкой болью в висках. Все еще нервно дрожащими руками Илья с трудом отстегнул ремень безопасности и вышел из машины. Он несколько раз глубоко вдохнул прохладный утренний воздух, смешанный с выхлопами проносающихся по шоссе автомобилей, и почувствовал, что ему стало легче. Лунин хотел было немного отойти от дороги, но склон показался ему слишком крутым и скользким от утренней росы. Илья неуверенно обернулся, но затем решил, что его вряд ли здесь кто-то узнает, и потянул вниз молнию на джинсах.

Вернувшись в машину, Лунин налил в стальную крышку от термоса крепкий, собственноручно сваренный утром кофе и стал делать маленькие, торопливые глотки, не дожидаясь, пока напиток хоть немного остынет. Пару минут спустя, почувствовав себя бодрее, Илья выплеснул недопитый кофе в окно, убрал термос в сумку и вновь выехал на шоссе. Минут двадцать Лунин провел, напряженно сжимая руль обеими руками и пристально вглядываясь в несущуюся ему навстречу черную асфальтовую ленту. К его удивлению, дальнейшее путешествие не было омрачено никакими неприятностями, так что спустя полчаса он немного осмелел и прибавил громкость радио, а еще через несколько минут увеличил и скорость.

Мост Лунин увидел издалека. Поднявшись почти на самую вершину довольно высокого холма, дорога делала петлю, а затем плавно спускалась к реке, позволяя любоваться открывающимися видами. Мост был великолепен. Две гигантские стальные дуги оранжевого цвета возвышались над дорожным полотном на добрых два десятка метров. От этих оранжевых дуг к пролетам моста тянулись ярко-синие стальные нити, которые при ближайшем рассмотрении оказывались толстыми тросами, выкрашенными краской по металлу.

Илья вспомнил прочитанную им около года назад в Интернете статью. Автор заметки уверял, что мост, построенный по проекту знаменитого шведского архитектора, должен был выглядеть немного иначе. Дуги планировали покрасить, да, собственно, изначально и покрасили в желтый, а стальные тросы покрыли голубым, в соответствии с цветами шведского флага. По замыслу автора проекта все это великолепие должно было напоминать проезжающим россиянам о существовании такой пусть и небольшой, но тем не менее замечательной страны, как Швеция, и способствовать укреплению дружеских отношений между двумя государствами. Однако, как это часто бывает в жизни, в ничем не омраченные отношения двух партнеров беззастенчиво вклинился третий. Хотя, скорее всего, в данном конкретном случае этот самый третий был вообще не в курсе своего вмешательства.

Открытие моста планировалось сделать настолько торжественным, насколько это было в принципе возможно в рамках имеющегося у области бюджета. На мероприятие были приглашены все, кого только губернатор Сергиевич смог пригласить, начиная от полномочного представителя Президента в федеральном округе, заканчивая министром дорожного строительства

и заместителем главы президентской администрации, всесильным Фроловым. В связи с таким, не часто случающимся событием, когда в области оказывались сразу несколько должностных лиц старше его по положению, губернатор за неделю до грандиозной официальной церемонии решил лично осмотреть уже фактически готовый мост, а заодно провести репетицию торжественного открытия.

Когда кортеж из нескольких черных «лендкрузеров» подкатил к мосту, оркестр грянул «Прощание славянки», звучащей, по мнению областного министра культуры, а по совместительству любовницы губернатора, из всех предложенных вариантов максимально патриотично и торжественно, а девушки в осовремененных национальных костюмах, отличающихся от оригинальных большим размером кокошников и меньшей длиной юбок, плавно засеменили навстречу высокопоставленным мужчинам в строгих костюмах.

Очевидно, Сергеевичу не понравилось увиденное еще из машины. Когда он выпрыгнул из внедорожника, губернаторское лицо выражало крайнюю степень возмущения.

– Вы что, суки, вообще охренели? – Он злобно уставился на выстроившихся перед ним девиц в коротких юбках.

– А я говорила, надо хотя бы колени прикрыть, – зашипела на ухо художественному руководителю ансамбля народного танца министр культуры, – они же у вас, как на панель, вышли!

– Зато красиво, – невозмутимым шепотом отозвался худрук, – и потом мост, панель... мне кажется, разница не принципиальна.

– Кто? – сорвавшимся в высокий фальцет голосом выкрикнул губернатор. – Я спрашиваю, кто все это ... людство устроил?

Министр культуры уже начала было выталкивать на середину образовавшейся перед губернатором пустоты упирающегося худрука, когда Сергеевич решительно шагнул вперед и, миновав расступившихся в стороны девиц в кокошниках и прочих встречающих, остановился у ограждения, за которым рабочие ускоренно наносили дорожную разметку на свежееуложенное асфальтовое покрытие. Губернатор вытянул руку и ткнул пальцем куда-то в небо.

– Это что?

Окружающие непонимающе притихли.

– Вы меня что, спрашиваю, подставить решили? Сюда сам Фролов приедет, а вы мне тут хохляцкий флаг во все небо намалевали. Вы что, международную обстановку совсем не улавливаете?

– Так ведь по проекту же, Иван Юрьевич, – вперед вышел немолодой коренастый мужчина, красноту лица которого только подчеркивала надетая на голову белая каска, – ведь все согласовано...

Сергеевич несколько секунд не мигая смотрел на застывшего перед ним руководителя строительства.

– Прекрасить. Все покрасить, – наконец выдавил из себя губернатор.

– Так ведь не успеем же, – изумился краснолицый.

– У вас есть шесть дней, шесть ночей, – высокий худой Сергеевич нависал над собеседником, – куча времени. И потом еще сутки, чтоб все тут отмыть как следует.

Считая разговор законченным, он направился к своему автомобилю.

– Так, это, в какой цвет красить-то?

Вопрос заставил Сергеевича остановиться и ненадолго задуматься. Он вновь взглянул на мост.

– Вместо желтого оранжевый сделай, нормально будет, веселенько. И голубой убери, голубой – это как-то... – губернатор поморщился, но так и не смог подобрать подходящего определения, – покрась синим, только поярче, понасыщеннее.

Передние колеса гулко ударили по стыку моста, через долю секунды то же проделали и задние. Вовремя заметив предупреждение об установленных камерах, Лунин сбавил скорость и теперь неторопливо катился по пролету, пытаясь разглядеть, не проступает ли где сквозь нанесенный впопыхах верхний слой краски истинное желто-голубое обличье железного исполина. Так ничего и не разглядев, он миновал мост, еще раз гроыхнувшись на стыке, но скорость прибавлять не стал. Где-то совсем скоро должен был появиться съезд с шоссе. Тот самый съезд, решение свернуть на который стало роковым для ожидающей приятной остановки на отдых семьи Веретенниковых.

Асфальт под колесами сменился ухабистой колеей. «Эксплорер» подъехал почти к самому обрыву и остановился. Выйдя из машины, Лунин немного полюбовался делающей замысловатую петлю рекой, затем вновь нырнул в салон внедорожника и достал из сумки папку с документами. Положив папку на капот, Лунин извлек из нее несколько распечатанных им еще вчера фотографий. Его аликановский коллега не поленился и прислал по электронке два десятка снимков, из которых Лунин выбрал всего четыре. Илья взглянул на снимки и огляделся по сторонам. Судя по всему, если пройти обратно в сторону шоссе метров тридцать, то он окажется на том месте, где стоял «лендкрузер» Красновых, молодой пары, которая и вызвала полицию на место преступления. Автомобиль Веретенниковых находился еще дальше, возле растущей прямо у обрыва огромной раскидистой сосны. Хороший ориентир, не перепутаешь. По словам Никиты Краснова, он заметил, что БМВ начал моргать фарами, заинтересовался и пошел к незнакомой машине. Илья неторопливо двинулся в сторону одинокой сосны. Подъехав к берегу, водитель БМВ сделал почти полный разворот. Почти. Судя по фотографии, внедорожник стоял наискосок от обрыва, повернувшись к нему одновременно кормой и правым бортом. Первым Краснов обнаружил Андрея Веретенникова. Мужчина лежал метрах в пяти от машины, и Краснов чуть было не наступил на него. Увидев окровавленного полуживого человека, Никита поначалу растерялся, но потом совладал с собой и сразу же начал звонить в службу спасения. Поняв, что происходит что-то странное, к нему подбежала жена, Наташа, чей истошный вопль заставил не подававшего признаков жизни мужчину открыть глаза и, с трудом шевеля губами, прошептать: «Катя... там... Света. Помоги им...» – после чего он окончательно потерял сознание. Поняв, что мужчина был не один, Никита заглянул в БМВ, но в машине никого не оказалось. Обойдя внедорожник, вначале он увидел лежащую прямо под задним бампером девушку, тоже всю в крови, а затем в нескольких метрах от машины тело женщины.

Лунин взглянул на фотографию. Кажется, именно здесь и лежала Екатерина Веретенникова. Лунин подошел вплотную к обрыву. Почти отвесный склон не осыпался только потому, что густо зарос кустами облепихи, чьи корни и удерживали берег от того, чтобы сползти вниз. Екатерина упала лицом прямо в один из таких росших на самом верху склона кустов, и он не позволил ей соскользнуть на землю. Судя по фотографии, над обрывом торчали только ноги несчастной, а ее тело висело на сломанных теперь ветках. Илья задумчиво потеревил мочку уха. Похоже, женщина видела нападавшего или нападавших, если их было несколько, возможно, на ее глазах уже рухнул от ударов ножом муж, а затем та же участь постигла прятавшуюся за машиной дочь. И тогда женщина, понимая, что пощады не будет, решила на единственно возможную попытку к спасению. Она бросилась к обрыву, намереваясь скатиться вниз, к реке, но сделала это слишком поздно. Кто-то настиг ее, прежде чем она успела сделать последний прыжок. Ножом били ей в спину, раз за разом погружая длинное лезвие в еще живое тело. А затем... затем она либо сама упала замертво, либо ее совсем легонько подтолкнули, впрочем, особого значения это сейчас не имело. Илья еще некоторое время слонялся по берегу в тщетной попытке найти в высокой траве что-нибудь, не замеченное осматривавшей место преступления следственной группой. Это действительно было бы неплохо. Найти то, что никто не смог обнаружить, причем это «то» должно оказаться именно тем самым, что поможет рас-

крыть преступление здесь и сейчас, чем-нибудь таким, что сразу укажет на рост, вес, особые приметы, а лучше паспортные данные злоумышленника. Лунин знал, что преступники не так уж и редко теряют свои документы прямо на месте своего злодеяния. Ничего удивительно в этом он не видел. Это только в фильмах за всяким жестоким убийством скрывается хладнокровный и изощренный ум. В жизни, как правило, к преступлениям приводит откровенная глупость, в спутницы к которой попадают то неумная жажда денег, то безрассудная ревность или же безудержное желание продемонстрировать свое физическое превосходство.

Не найдя в высокой траве ни паспорта, ни какого-либо другого документа, указывающего на личность преступника, Лунин разочарованно вздохнул и направился к машине. Судя по всему, убийца не был законченным идиотом и не оставил явных следов своего пребывания на берегу. По мнению Ильи, это значительно сужало круг возможных подозреваемых. Утешая себя этим глубокомысленным заключением, Лунин забрался на водительское сиденье «эксплорера» и выехал на шоссе. Внедорожник еще не успел набрать скорость, как неторопливо двигавшаяся перед ним в правом ряду «королла» заморгала поворотником и вскоре съехала с дороги на проселок, тянувшийся в сторону берега. Еще через пару сотен метров Лунин заметил третий съезд с трассы, а потом еще один. Шоссе тянулось вдоль реки на протяжении нескольких километров, и Лунин успел насчитать с десятков поворотов. Удивительно было то, что он сумел свернуть именно в тот, который был ему нужен. Илья довольно чмокнул губами. А вот Веретенниковым сворачивать туда явно не стоило. Да уж, не повезло людям.

Глава 2, *в которой Лунину рекомендуют хорошего диетолога*

Август 2019 года

– Если я правильно понял, из машины вы вышли не сразу. А что вы там делали-то?
Илья пристально смотрел на сидящего перед ним человека. Мужчина смутился, явно не зная, что ответить.

– Ну так? – нахмурился Лунин.

– Понимаете, мы живем с мамой, – заторопился Краснов. – И папой. В общем, с родителями. С Наташиными родителями, – уточнил он.

– И что я должен понять? – удивился Лунин.

– Ну как же, – молодой человек доверительно подался вперед, – у нас Гришка. Пацан. Шесть месяцев ему. А квартира двухкомнатная. Теперь понимаете? Гришка либо орет, и все вокруг него бегают, либо спит. Это значит все на цыпочках. А нам-то с женой тоже вместе побыть хочется. Вдвоем, ну, вы понимаете. А где быть, если мама у нее уже на пенсии? Целыми днями дома сидит. Представляете? Я ей говорю, мама, сходите воздухом подышите, а она мне, ничего, у меня в комнате форточка приоткрыта, воздух ко мне и сам приходит. Я ей говорю, мама, сходите в кино, а она мне знаете что?

– Что?

– Ничего. С дивана пультом от телевизора помахала, и все.

– Да уж, – Лунин сочувственно вздохнул, – улучшать вам надо жилищные условия. Хотя, если честно, – Илья взглянул на разложенные перед ним фотографии, – глядя на вашу машину, и не подумаешь, что у вас такие трудности.

– Вот вы еще, – на лице Краснова появилось обиженное выражение, – мне теща за этот крузак все мозги вые... выела, теперь вы вот. Ему уже шесть лет считай, вот в сентябре будет. Не так дорого стоит, между прочим. А мне по работе надо, чтобы тачка солидно смотрелась.

– Даже так?

В протоколе допроса в графе «место работы» было указано, что Краснов Никита Александрович трудится в частном охранном предприятии «Гарант» в должности заместителя директора, однако, кого и от кого «Гарант» охраняет, Лунину было неизвестно.

– Ну да, – кивнул Краснов, – у нас контингент работает, честно скажу, так себе, люди простые. Ты, если ими руководить берешься, должен на них впечатление не только словами производить.

– А чем, кулаками, что ли? – Илья с сомнением взглянул на собеседника.

– Да всем, порой и кулаками, но это, конечно, крайний случай. Надо, чтобы они понимали, кто главный. Нутром чуяли. А для этого все имеет значение. И как ты говоришь, и как выглядишь, и на чем едешь. А мотаться много приходится. Мы ведь и нефтебазы за городом охраняем, и рудники, по золоту три артели. А они вообще за сто километров в тайге.

– Так ведь и платят, наверное, неплохо? – Лунин сам не знал, зачем задал этот вопрос. Возможно, слишком уж заманчиво блестела на фотографии решетка радиатора красновского «лендкрюзера».

– Да чего там платят, – Никита недовольно поморщился, – контора дядьки двоюродного. Когда шел, так он обещал чуть не золотые горы. Теперь вот уже два года все за него тяну, а так обещаниями и питаюсь. А с них навару, считай, и нет никакого, а если и есть малость, то так, жиденький.

– Угу, – Лунин сложил губы трубочкой и отложил в сторону фотографию «лендкрузера», – так, значит, вы с супругой какое-то время сидели в машине. Правильно?

Краснов кивнул.

– Ничего необычного не видели, не слышали?

– Да нет, конечно. У нас радио играло, да и с заднего сиденья разве что разглядишь?

– С заднего, угу... – держащая ручку рука Лунина замерла над протоколом допроса, – в смысле – с заднего? Вы оба сзади сидели? А кто за рулем тогда был?

– Слушай, майор, – не выдержал Краснов, – ты чего? Реально не понимаешь или дуру гонишь? Мы приехали, пересели на заднее сиденье... Трахались мы там, черт тебя дери!

– А что вы так нервничаете? – Лунин положил ручку на стол и откинулся на спинку кресла. – Давайте немного поспокойнее.

– Поспокойнее? Будешь здесь поспокойнее! Я второй день только про это и думаю.

– Про что?

– Про то. Мы в машине этим делом занимались, а рядом, в тридцати метрах от нас, люди умирали. Ладно, днем. Так не успел ночью заснуть, мне эта БМВ чертова приснилась. Стоит и габаритными огнями мигает, зовет меня. Я подхожу, а они там все трое, ну этот мужик и две бабы, сидят на земле, к машине прислонившись. Машина белая, они сами все в белых одеждах, а на животе у каждого красное пятно с футбольный мяч размером. И сидят они так тихо, словно мертвые уже давно, а потом эта девица, молодая которая, глаза открывает и говорит мне так ласково: «Где же ты был, Никитушка? Почему шел к нам так долго?» А я, значит, возьми да и ответь ей: «Так ведь пришел же». А она: «Пришел, только поздно. И мы уже умерли, и ты весь в крови замарался». И тут я смотрю под ноги себе, а там с них троих лужа крови уже натекла огромная, а я почему-то босой. Стою посреди этой лужи, а кровь уже мне по щиколотку поднялась и дальше идет.

Лунин взял со стола ручку, словно намереваясь занести в протокол все сказанное Красновым, но так и не начал записывать.

– Я бежать кинулся, чтоб из этой лужи на сухое место выбраться, а ничего не выходит, ноги в крови вязнут, и затягивает меня в нее, будто в болото. Проснулся весь мокрый от пота, сердце колотится. Время глянул – три часа ночи. Подумал и не стал больше ложиться, так до утра и сидел, телевизор смотрел.

– Да уж, сон в летнюю ночь, – пробормотал Лунин. – Вам бы успокоительное попить или к психологу.

– Ага, к психологу, – хмуро буркнул Краснов, – у нас городок-то маленький, завтра вся округа знать будет, что у Никитки Краснова крыша поехала. Нет уж, я сам как-нибудь разберусь. Без психолога.

– Не знаю, станет ли вам от этого легче. – Лунин открыл лежащую на столе папку и, немного порывшись в ней, достал лист бумаги, исписанный мелким неразборчивым почерком. – Согласно заключению экспертизы, смерть обеих женщин наступила достаточно быстро, – шевеля губами, Лунин искал нужную строчку, – Екатерина Георгиевна, правда, какое-то время была еще жива, но предположительно не так долго, минут пятнадцать – двадцать от силы, а вот дочь ее погибла почти мгновенно. Так что к вашему приезду они были уже мертвы.

– А мужик этот?

– Ну, тут, конечно, сложнее, – Лунин вздохнул, – он потерял столько крови, что врачи не очень понимают, почему он до сих пор жив.

– Ну вот видите.

– Что – вот? – Лунин убрал документ в папку и вновь склонился над протоколом. – Вы думайте о том, что если он все еще не умер, то именно благодаря вам. Возможно, от этого станет легче. Так, а у вас же отпечатки пальцев вчера сняли?

– Сняли, сняли, – недовольно проворчал Краснов, – и у меня сняли, и у Наташки. Я так сначала подумал, нам хоть спасибо скажут, что скорую вызвали, а по факту чуть прямо там нам наручники не нацепили.

– Так порой бывает, – извиняющимся тоном пробормотал Илья, – бывает, что человек начудит что-нибудь, а потом сам и скорую вызовет, и полицию. Вы, кстати, в армии где служили, в каких войсках?

– В десантных, Псковская дивизия. – Краснов машинально распрямил плечи.

– Десантник, значит, – Лунин кивнул и сделал быструю запись в протоколе, – а ножевому бою вас там, в десанте, обучали?

– Нас там много чему обучали, – нахмурился Краснов, – а это к чему сейчас вопрос был? Вы что, реально думаете, что это я их всех порезал? Да я их даже знать никого не знаю, ни мужика этого, ни баб его!

– Насколько я знаю, – пожал плечами Лунин, – чтобы человека убить, с ним знакомиться не обязательно. Места на берегу было не так много, в машине убитых могла слишком громко играть музыка, вы подошли, сделали замечание, вас в ответ оскорбили.

– И что? – напрягся Никита.

– И все. – Лунин поставил точку и протянул протокол Краснову. – Я вас ни в чем вовсе не обвиняю. Я просто объясняю, как чисто гипотетически ситуация может выглядеть со стороны. Протокольчик подпишите, пожалуйста.

– Чисто гипотетически! Что у вас тогда будет грязно? – Краснов внимательно прочитал протокол и размашисто расписался на каждой странице. Я свободен?

– Вы? – Лунин улыбнулся. – Ну конечно же, Никита Александрович. Пока можете идти. Супруга ваша, кстати, подошла?

Краснов вскочил на ноги и быстро кивнул.

– Вот и замечательно! Попросите ее зайти, мы с ней тоже немножко побеседуем.

Кардиомонитор равномерно попискивал. Некоторое время Илья заинтересованно разглядывал проплывающие по экрану кривые, каждый пик которых символизировал очередной удар никак не желающего останавливаться сердца. Лунин вновь взглянул на белое безжизненное лицо. Оно было абсолютно неподвижным, казалось уже навеки погрузившимся в царство вечного покоя, и лишь торчащая изо рта пациента гибкая трубка, подсоединенная к аппарату искусственной вентиляции легких, оставалась последней тонкой нитью, удерживающей Веретеникова в мире все еще живых людей.

– Ну, Яков Моисеевич, и что вы скажете? – Лунин оглянулся на стоявшего рядом заведующего отделением, маленького, уже немолодого мужчину с осунувшимся лицом, чем-то напоминавшего Бориса Березовского в период его лондонского одиночества.

– Честно скажу, Илья Олегович, не знаю, – развел руками врач.

– Что именно вы не знаете? – уточнил Илья. – Мне бы хотелось понять, когда я смогу пообщаться с вашим пациентом.

– Ах это, – Яков Моисеевич окинул Лунина оценивающим взглядом, – ну, если вы будете контролировать лишний вес и артериальное давление, то, думаю, лет через тридцать пять – сорок эта беседа вполне может состояться. Хотя в наше время ни в чем нельзя быть уверенным. Но за весом вам последить надо, это точно.

– Я не понял, – нахмурился Илья, – вы что, думаете, что он еще лет тридцать вот так пролежит?

– Ну что вы, – заведующим ласково улыбнулся, – думаю, этот пациент надолго у нас не задержится. Я понимаю, с точки зрения этики, пока человек жив, так говорить не совсем корректно, но ведь вас интересует реальное положение дел. А вот вы, господин следователь, вполне еще поживете. Но насчет веса примите мой совет к сведению.

– Непременно, – искренне пообещал Лунин.

– Могу вам в Среднегорске порекомендовать хорошего диетолога, – Яков Моисеевич подхватил Лунина под локоть и увлек его за собой из палаты, – Згут Михаил Абрамович, замечательный специалист, чудеснейший! А если вы скажете, что от меня, он непременно сделает вам скидочку, небольшую, конечно.

Дверь за вышедшими людьми закрылась, и Андрей Веретенников остался в палате один. Кардиомонитор продолжал уныло попискивать, слишком редко для того, чтобы считать человека, к которому он подключен, живым, но все же недостаточно редко, чтобы признать его окончательно мертвым. Мозг Андрея глубоко спал. Он не заметил визита Лунина и не услышал слов Якова Моисеевича, он вообще не воспринимал настоящее. Впрочем, своего прошлого он тоже не помнил, так же, как и не знал, есть ли у него будущее.

Глава 3, *в которой старые друзья наконец встречаются*

Апрель 2019 года

Он увеличил угол подъема беговой дорожки еще на градус и удовлетворенно улыбнулся. Организм работал как часы, причем часы очень хорошие, возможно, даже швейцарские. Хотя кто сейчас носит швейцарские часы? У кого денег нет, о них могут только мечтать, ну а те, у кого деньги водятся, сплошь украшают запястья сделанными в Китае умными часами, позволяющими не расставаться со своим телефоном даже в те редкие минуты, когда он не лежит в кармане. Такое ощущение, что швейцарские часы ввозят в Россию исключительно для того, чтобы их могли потом показывать в выпусках новостей, рассказывающих о задержании очередного коррумпированного чиновника, полицейского или губернатора. У них почему-то непременно обнаруживаются залежи этих шедевров часового и ювелирного мастерства. Андрей положил ладони на рукоятки беговой дорожки и взглянул на монитор. Сто сорок... сто сорок пять. Нормальный пульс, пожалуй, можно еще немного прибавить скорости. Вот откуда у них столько этих часов берется? Неужели покупают? Вряд ли. Он сам, человек совсем не бедный, но у него всего штуки три или четыре валяются где-то в столе. Уже и не помнит, когда надевал последний раз. Нет, наверняка не покупают. Значит, дарят. Точно дарят! А зачем? Зачем дарить человеку что-то ненужное, да еще такое, чего у него и так хоть отбавляй? А потом этот человек, в общем-то неглупый и вполне солидный, выглядит на экране полным идиотом, когда стоящий рядом с ним здоровенный бугай в камуфляже и натянутой на лицо балаклаве демонстрирует телезрителям коробку с несколькими десятками дорогуших часов. По одной этой картинке сразу становится все ясно – эта мразь, которая еще вчера проводила совещания в своем кабинете, делая вид, что радеет за благое дело, на самом деле воровала по-крупному. На этом, в принципе, можно расследование и заканчивать, да и суд – лишняя трата времени. Посчитать, сколько там часов у него в этой коробке накопилось, да и выписать по годику за каждый «Ролекс». А что? Быстро, эффективно, а главное, электорат будет доволен. Он вновь коснулся ладонями датчиков пульсометра. Сто пятьдесят пять... сто шестьдесят. Выше задираТЬ планку явно не стоит, все же уже не пацан. Он уменьшил угол наклона на два градуса и сбавил скорость до десяти километров в час. А что, если эти самые часы им дарят не просто так, не от отсутствия хоть капли фантазии, а со смыслом? Если это своеобразный намек, мол, время твое тикает потихоньку, скоро все выйдет. Эдакая черная метка, только вручают ее не один раз, а несколько, чтобы до человека постепенно дошло. И у каждого есть свой лимит этих меток, согласно званию и занимаемой должности. У полковника МВД, к примеру, десять «Патек Филипп» и пять «Брегетов», у такого же полковника, но уже из ФСБ – вдвое больше, у губернатора или генерала к коллекции фээсбэшного полковника можно добавить еще десяток «Ролексов» или «Улиссов». Хотя тут, конечно, большой вопрос, к кому надо приравнивать губернатора – к генералу ФСБ или только к полковнику? Нынче такие полковники пошли, что, пожалуй, любого губернатора переплюнут.

Он обнулil наклон дорожки и, уменьшив скорость до пяти километров в час, перешел с бега на ходьбу. Генералы, губернаторы, что одни шакалы, что другие. И от первых, и от вторых лучше держаться подальше, хотя это нелегко, если твой бизнес набрал хоть сколько-то заметные обороты. Андрей вытер пот со лба полотенцем и, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, повернул голову к соседу слева. Светловолосый, рыхлый мужчина лет сорока пяти

неторопливо переставлял ноги на выставленной на минимальную скорость беговой дорожке и, ни капли не стесняясь, в упор разглядывал Веретенникова.

– Чем-то помочь? – Андрей знал, что новички, а судя по внешности, мужчина явно был новичком в спортзале, часто не знали, как изменить угол наклона беговой дорожки или выбрать нужный режим, а подойти к инструкторам стеснялись.

– Помочь? – удивился вопросу мужчина. – Нет, спасибо. Я сам дойду.

– Ну как знаете. – Андрей остановил беговое полотно и уже собрался сойти с тренажера, когда мужчина негромко его окликнул:

– Веретенников? Андрей?

– Ну да, допустим.

Андрей нахмурился. Он не любил, когда незнакомые люди обращаются к нему по имени. Было в этом что-то, на его взгляд, излишне фамильярное.

– Допустим, – обрадовался начинающий физкультурник, – а я, допустим, Алексей. Алексей Косарев. Как такой вариант, интересно звучит?

Веретенников внимательнее всмотрелся в оплывшее лицо мужчины. Да, за столько лет оно сильно изменилось, сразу и не узнать. Говорят, что глаза у человека не меняются. Врут, конечно. Глаза были совсем не такие, как двадцать лет назад, теперь они были какие-то выцветшие, усталые.

– Леха? – наконец неуверенно выдавил из себя Андрей.

– Ну так. – Мужчина расплылся в довольной улыбке и, забыв выключить беговую дорожку, неловко соскочил на пол. – Что, не признать?

– Ну да, есть такое дело, – согласился Веретенников, – ты ж раньше худющий был, ходил по ветру. А теперь... – Андрей запнулся, подбирая нужное слово.

– Что, разжирел, хочешь сказать? – расхохотался бывший однокурсник. – Да ты не мнись, чего там. Я сам знаю, что разжирел. Чего сюда и притащился. Решил, так сказать, за ум взяться. Или за жир. В общем, хочу скинуть килограммов пять. Да ты такое лицо не делай. Я сам знаю, что надо десять. Но цели же должны быть реальными и достижимыми. То есть реально достижимыми! Помнишь, ты сам эту фразу придумал, а потом ходил и две недели подряд всем талдычил так, словно это великая мудрость.

– Ну да, только я через пару недель уgomонился, а к тебе, гляжу, на всю жизнь прилипло.

– А чего, хорошая фраза, мне нравится, – пожал плечами Косарев, – можно сказать, мою бизнес-модель отражает.

– Ну и как она?

– Кто? – не понял Алексей.

– Моделька твоя. До каких размеров выросла?

– Знаешь, не жалуюсь. – Косарев огляделся по сторонам, словно боялся, что их разговор подслушивают. – Ты тут еще долго? А то можно посидеть, накатить немного по случаю такой встречи.

– Я-то уже все, на сегодня свое отпахал, – усмехнулся Веретенников, – а вот ты, похоже, тут только нарисовался.

– Ну и хватит пока, – Алексей беззаботно махнул рукой, – я читал, в тренировки надо постепенно втягиваться. А то можно сердце посадить. Так что, поедем, малость на грудь примем? Причем знаешь что, давай-ка прямо ко мне, посмотришь, как я живу, посидим по-человечески, поболтаем.

– Ох, Леша, ты как был змей-искуситель, так и остался. Ладно, поедем. Хотя, конечно, после тренировки пить – это страшное дело, ну да ладно. Не каждый день такие встречи бывают.

– Тогда вперед!

Косарев жизнерадостно закинул на плечо полотенце и устремился к выходу в раздевалку. Покачав головой, Андрей выключил работающую на холостом ходу беговую дорожку, вынул из держателя бутылку с водой и неторопливо двинулся вслед за бывшим однокурсником.

Середина апреля выдалась значительно теплее обычного, посему, завершив ритуальный осмотр хозяйского дома, расположиться решили в беседке. Косарев отдал нужные распоряжения по телефону еще из раздевалки спортивного клуба, так что к приезду хозяина дома и его гостя почти все было готово. Опрокинув по паре стопок отборного, настоящего на кедровых шишках, самогона, бывшие однокурсники удобно расположились в ротанговых, накрытых мягкими пледами креслах и, как и положено старым приятелям, не видевшимся много лет, предались воспоминаниям, а также выяснению, что и с кем за эти долгие годы успело случиться.

– Я-то был уверен, что ты в Москве, да и наши все так считали. – Веретенников почувствовал, как разбегающееся от желудка тепло коснулось пальцев рук. – Хорош самогон, ничего не скажешь!

– Свое производство! – усмехнулся Косарев. – У меня тут человечек живет, за домом смотрит, снег чистит. Ну, в общем, все по мелочи делает, чего надо, вот он этой темой у меня и заведует. Я тебе так скажу: ни один коньяк рядом не стоял. Чего усмехаешься? Завтра утром поймешь. Эту штуковину, – он постучал пальцем по бутылке, – можно запросто литр опрокинуть, а похмелья утром не будет.

– Да ладно, – отмахнулся Андрей, – я что, самогон никогда не пил? После литра всяко тяжело будет. Градус-то какой, небось, под полтинник?

– Я тебе говорю, ничего не почувствуешь, – упрямо тряхнул головой Алексей, – ну как, ничего. Тяжесть в башке, конечно, появится, и ножки такие с утраца будут вяленькие, словно их ватой набили, но болеть ничего не будет, баралгин не потребуется. Кофейку покрепче заваришь, и все как рукой снимет. Или чай с имбирем, тоже, кстати, бодрит еще лучше, чем кофе.

– Ладно, утро покажет, – не стал спорить Веретенников, – давай рассказывай, как ты опять в Новосибе оказался? Я же помню, когда наша группа собиралась на десятилетие выпуска, уже тогда тебя найти не могли. Говорили, что ты уехал и все концы оборвал.

– Значит, плохо искали, – ухмыльнулся Косарев. – В Москву-то я уезжал, конечно, но и здесь, как видишь, вполне себе присутствую.

В беседке появился невысокий жилистый мужчина лет пятидесяти. В каждой руке он держал по два шампура со свежеприготовленным, еще пахнущим дымом шашлыком.

– Спасибо, Коля, – оживился Алексей, – ты нам вторую партию где-нибудь через полчаса принеси. Хорошо?

– Сделаем, – кивнул мужчина и неторопливо, чуть вразвалку удалился.

– Я, в Москву когда уехал, – хозяин дома вновь наполнил рюмки, – нашел там в итоге тему одну хорошую. Медицинское оборудование.

Они выпили, и Веретенников с удовольствием впился зубами в сочный, еще горячий кусок свинины.

– Медицина, особенно наша, бесплатная – это, я скажу тебе, золотое дно. У нас же в этой сфере частных почти нет. Ну что-то есть, конечно, стоматологи, гинекологи, прочая мелочовка, но в общих масштабах, это так, семечки. Основные все деньги в госсекторе крутятся. А там как? Там через тендера, думаю, сам знаешь.

Андрей кивнул. Мясо было удивительно нежным, и роль слушателя его вполне устраивала.

– В тендере ведь что главное? Главное – на тендер правильно заявиться. Сейчас же прогресс. Раньше как было? Раньше все болезни лечили зеленкой и анальгином. Сейчас в принципе тоже. Если у тебя голова болит, то анальгин выпишут, а если коленка, то зеленкой помажут. Но сначала вот это, чего у тебя болит, отправят просветить на томографе. А один томограф знаешь сколько стоит? Как годовой запас анальгина на весь Новосибирск. А в год этих томо-

графов сколько закупают? До фи́га! И не только их. Лет десять назад тема пошла классная с дистанционным лечением.

– Это что, как у Кашпировского? – удивился Андрей.

– Ну, примерно, – лицо Косарева покраснелось то ли от возбуждения, то ли от выпитого самогона, – эффективность точно не выше. Берут, значит, в какой-нибудь северный поселок, а то еще хлеще, оленеводам в стойбище закупают аппаратуру для передачи видеосигнала через спутник и набор медицинского диагностического оборудования. Задумка такая, ежели какому оленю, то бишь оленеводу плохо становится, он выходит на связь с областной больницей, к примеру, где-нибудь в Салехарде, а то и в Тюмени, и они ему подсказывают, как всей этой техникой медицинской у себя что-нибудь измерить.

– И что, получается? – засомневался Веретенников.

– Ну как тебе сказать, если честно, не очень. Оленеводы, так те вообще, когда кочуют, им лишний вес не с руки за собой таскать. Так что они все это барахло медицинское прям посреди тундры побросали. Ну а в деревнях там люди малость поответственнее, поэтому всю дорогую аппаратуру обычно сносят в какой-то амбар и там под замок запирают.

– Ну и на фи́га это кому нужно? – не смог уловить логику описываемого процесса Андрей.

– Это ты не у меня спрашивай, а у тех, кто все это придумывает, – усмехнулся Алексей, – это ж серьезная тема, национальный проект. Там знаешь какие бабки крутятся? Нет? Правильно, и никто не знает. Кроме тех, кто их промеж собой делит. Вот эти умные люди делят, а наша контора у них под ногами мельтешит и крошки с пола подбирает.

– Ну нормальные у тебя такие крошки, – рассмеялся Веретенников, – судя по машинке твоей, такой крошкой и прибить запросто может. Да и дом весьма достойный.

– Да уж, машинка – песня, – Косарев энергично работал челюстью, закидывая в рот один кусок мяса за другим, – уже полгода на ней езжу, а все не нарадуюсь. Давно этим умникам в БМВ надо было большую машину сделать. А чего ты хочешь? Какой батон – такие крошки. Вот решают, к примеру, новую больницу построить в каком-нибудь Ябенево-Полярном. Ну, в принципе, дело нужное, старая ведь в бараке размещалась, который еще лет сорок назад как снести надо было. Ну значит, сказано – сделано. Бабахают новое здание в три этажа, на каждом этаже двадцать кабинетов, на этом деле нормальный бюджет осваивают, мы, правда, к этому отношения не имеем, – в голосе Косарева промелькнули нотки грусти, – а потом решают, сколько денег надо выделить на ее оснащение. Ну а что, больница новая, открывать будут с помпой. По-любому губернатор приедет, а то и министр здравоохранения, она любит ленточки перерезать. Так ловко ножницами работает, я тебе скажу, ну чисто парикмахер! В общем, фаршируют это новое здание по полной программе. Ну тут уже, слава богу, с нашим скромным участием. – Леха широко улыбнулся, его рука плавно скользнула к бутылке с самогоном.

– Я так понимаю, делиться приходится? – уточнил Веретенников, подставляя свою рюмку.

Лехина рука дрогнула, несколько капель самогона пролились на стол. Косарев издал хрюкающий звук, по которому невозможно было определить, собирается ли он захохотать или, наоборот, разрыдаться.

– Делиться? Скорее это они с нами делятся. Мы только деньги откатывать успеваем. Порой еще тендер не прошел, а уже требуют занести, позолотить ручку. Ну а куда деваться, желающих на это место сто вагонов будет. Представляешь, в одну больницу оборудования на сотни миллионов идет. Там порой такие штуки бывают, я названия в спецификации читаю, даже понять не могу, что это и чего им лечат. Я не могу! А я в этой каше уже лет пятнадцать кувыркаюсь. А представляешь, врачи местные? Особливо те, которым уже пенсия светит. Они же, как сидели в своем бараке с бинтами и анальгином, так их в новое здание и перетащили. Молодежь ведь, которые обученные, туда никаким калачом не заманишь. Даже квартирой. «У меня студия в Ябенево-Полярном! С видом на тундру!» Звучит?

Леха поднял рюмку, Андрей тут же последовал его примеру.

– За встречу! Так вот, эти врачи старой закалки, они ведь люди не глупые, они понимают – оборудование дорогое, за него потом отвечать придется. Поэтому они что делают? Они наподобие наших селян-северян, закрывают все оборудование в кабинетах, накрывают чехлами от пыли и на замочки все запирают. Ну а сами по проторенному пути: анальгин, зеленка, скальпель. Последовательность иногда меняют, а так этих трех вариантов им обычно хватает.

– Да уж, весело. – Веретенников отставил рюмку в сторону. – Я только все равно не пойму, а здесь ты как опять оказался?

– Ну как, – Косарев усмехнулся, – сам понимаешь, объять необъятное нельзя, хоть и хочется. В Москве, Питере, да и в Поволжье своих людей хватает, на их грядку так просто не сунешься, могут тяткой по хребту надавать. Так что мы сконцентрировались на том, что нам ближе, можно даже сказать, роднее. – Он широко улыбнулся и плавно развел руки, словно намереваясь заключить Веретенникова в объятия. – Матушка Сибирь, вот наша кормилица. Мы, можно сказать, тут все закрываем, от Урала до Байкала. За Уралом, как я сказал, и без нас тесно, а за Байкалом, там и людей почти нет, больше хлопот тендера вылавливать, чем с них навару набегит. Из Москвы, сам понимаешь, всем не нарулишься, так что приходится жить на два города. Две недели там, две здесь. Ну не прям вот так жестко, конечно, но схема примерно такая, – Леха вздохнул, – хотя, конечно, подумомила меня схема эта, да и семья тоже пилит, культуры им, видишь ли, в Новосибе не хватает.

– Ну так Москва, столица, там, конечно, размах другой, – пожал плечами Веретенников.

– Ой, размах там, – Леха презрительно скривился, – чего размах? Воруют энергичнее? Или плитку перекладывают? Вот они говорят мне, там театров больше. Нет, я не спорю, больше. Но у нас ведь они тоже есть, я тут как-то ради интереса зашел на сайт, где билеты продают, десяток точно насчитал. А ведь еще гастролеры, каждую неделю кто-то приезжает, окультуриться выше крыши можно. И что, много они по театрам здесь находили? А я тебе скажу: за весь тот год ни разу нигде не были, на «Ленинград» только прошлым летом вот все выбрались вместе, но там такая культура, что еще вопрос – она тебе в плюс идет или в минус.

– О, так а мы тоже были, – удивился Андрей, – ну да, в июле. Удивительно, как там не встретились.

– Да а как там кого увидишь, народу десять тыщ было. – Леха достал из кармана смартфон. – Давай я тебе лучше девчонок своих покажу.

Косарев протянул Андрею смартфон, с экрана которого на Веретенникова, улыбаясь, смотрели две блондинки.

– С Ленкой я познакомился, когда практику преддипломную проходил, она в ту контору только после школы секретарем устроилась, я ее, можно сказать, из-под носа у генерального уволок. Чуть практику не завалил. А через год уже Алина родилась. Видишь, имя какое придумали. Гибрид Лены и Алеши. Эх, вот время было. Ни работы, ни денег, Алинка орет не переставая. Весело было! Голодно, но знаешь, так азартно. Верил, что горы смогу свернуть.

– А сейчас что, погрустнело?

– Ну как тебе сказать, – пожал плечами Косарев, – сам не пойму. Не то чтобы заелся, хотя и это тоже есть, но горизонт стало видно. Горизонт возможностей. Раньше, по молодости, казалось, что нет его, никакого горизонта, а сейчас ясно, что есть. И вот он уже совсем рядом. Ну если сильно напрячься, наверное, можно отодвинуть его, правда, совсем немного. Но вроде и напрягаться не очень хочется.

Алексей привстал и обернулся.

– Коля! Ну где мясо? Оно у тебя там, поди, уже все усохло!

– Обижаете, – Николай появился почти мгновенно, как и прошлый раз неся в каждой руке по два шампура, – мясо изумительное. Даже лучше, чем в первый заход.

– Ох ты сказочник! – усмехнулся хозяин дома. – Хотя все может быть. Оно после третьей рюмки всегда все вкуснее кажется. Мы, Андрюха, уже сколько выпили?

– Да я и не считал, – Андрей еще раз мельком взглянул на экран смартфона и, вернув его Косареву, придвинул рюмку, – но можно продолжить.

– И это правильное решение! – торжественно провозгласил Косарев.

Глава 4, *в которой Лунин едет в Новосибирск*

Август 2019 года

Выйдя из больничного корпуса, Лунин отошел на несколько метров от входа и достал сигареты. Сделав несколько затяжек, он неторопливо двинулся по пешеходной дорожке к припаркованному у ворот «эксплореру». Дойдя до машины, Илья щелкнул брелоком сигнализации и в задумчивости остановился. Вновь ехать в районное следственное управление не имело никакого смысла, но и возвращаться в Среднегорск Илья считал преждевременным. Немного поколебавшись, он нашарил в кармане смартфон.

Хованский ответил почти сразу.

– Ну что, Лунин, что ты хочешь мне сказать?

– Сказать? Хочу... Я хочу поехать в Новосибирск.

– Новосибирск? – удивился Хованский. – А чего ты в Новосибе забыл?

– Ну как, – Лунин нахмурился, ему было неприятно, что приходится объяснять вещи, казавшиеся ему очевидными, – в Аликаново особо делать нечего, свидетелей преступления как такового здесь нет, а Веретенниковы из Новосибирска. Логично съездить посмотреть, что там, какой у них был круг общения. Вдруг что-то интересное проявится.

– Господи, Илюша, тебе уже скоро сороковник стукнет, а ты все что-то интересное увидеть хочешь. – Несколько секунд генерал-майор недовольно сопел в трубку, очевидно ожидая, что Лунин скажет в ответ какую-нибудь глупость, которая позволит ему как следует оторваться на подчиненном, а заодно отказать в явно бессмысленной идее, но Илья терпеливо молчал. – Вот я в прошлом году в Шанхай летал на конференцию, там в зоопарке панду видел живую. И знаешь, ничего удивительного. У тебя что, есть какие-то основания предполагать, будто это не обычное дорожное ограбление?

– Я думаю, нам стоит отработать все возможные версии. – Поскольку оснований для каких-либо предположений у Ильи не было, он постарался придать своему голосу максимально возможную уверенность.

– Ну вот и я говорю. Нет у тебя никаких оснований. – Было очевидно, что Хованский прекрасно умел читать, а точнее, слышать между строк то, что на самом деле должен был сказать Лунин. – Ладно, прокатись. Для нас в принципе будет лучше, если хвост от этого дела к соседям ляжет. А то представь, вдруг у нас в области банда завелась, проезжающих грабить. Да ладно, если б только грабить. В общем, съезди, но только недолго. Дня три тебе максимум на все про все, а потом, как говорят шведы, велкам ту хоум!

Илья хотел было уточнить, почему, по мнению Хованского, так говорят именно шведы, но вместо этого лишь бодро рявкнул:

– Спасибо, товарищ полковник!

Лунин быстро нажал отбой, пока мнение начальника управления не переменилось, и довольно улыбнулся. День явно складывался удачно.

Неторопливо набрав крейсерскую скорость, старенький «форд» уверенно оставлял позади километр за километром. Машин на трассе было совсем мало. Включив круиз-контроль, Илья немного расслабился. Если все обойдется без происшествий, то к обеду он будет в Новосибирске. Там о его скором приезде уже осведомлены, а это значит, что во второй половине дня можно будет осмотреть дом Веретенниковых. Но сначала он, конечно, как следует

пообедает. Еще вечером, основательно покопавшись в Интернете, Илья присмотрел кафешку, расположенную недалеко от въезда в город, где, судя по многочисленным отзывам, вполне сносно кормили, да и цена особых нареканий у посетителей не вызывала. Илья взглянул на электронный дисплей, с утра было довольно прохладно, всего девять градусов, но и днем, согласно прогнозу, будет пасмурно и совсем не жарко. Если прогноз не обманет и жары действительно не будет, то он возьмет на обед борщ со сметанкой, чесночные булочки, холодец с хреном и мясо, запеченное в сыре. Мама всегда называла это блюдо мясом по-французски. Сам Лунин почему-то сомневался, что картошка со свининой, обильно покрытая жирным сыром и еще более жирным майонезом, являются национальным французским блюдом, но с мамой не спорил. В конце концов, во Франции он ни разу не был. Во Франции вообще не был никто из знакомых Лунина, за исключением отца Юленьки, но выяснять у него, насколько мамино мнение о кулинарных пристрастиях эlegantных европейцев совпадает с действительностью, Илье в голову никогда не приходило.

Сглотнув накопившуюся во рту слюну, Лунин немного увеличил скорость круиз-контроля. Затягивать с таким замечательным обедом не имело никакого смысла. На гарнир к мясу можно будет взять жареной картошечки. Лунин вновь сглотнул слюну и блаженно улыбнулся. Хотя, конечно, Яков Моисеевич советует на жирное не налегать, да и вообще сдерживать свою любовь к обильной пище. Илья вздохнул. Что же, не брать жареную картошку? Но мясо без картошки – это вообще как-то странно, это и не еда вовсе. Тогда, может, отказаться от холодца? Погрустневший, Лунин скользнул взглядом по чахлой березовой рощице, непонятно как образовавшейся посреди болотистой равнины, рассеченной надвое узкой черной полоской шоссе, прочерченной по прямой до самого горизонта, и потянулся к телефону. Порывшись в контактах, он нашел нужный номер.

– Яков Моисеевич, не отвлекая, вы не на операции? – как можно беззаботнее поинтересовался Илья, стараясь не думать о заставленном тарелками с едой большом пластиковом подносе, с которого надо было зачем-то убрать одно из блюд. – Это Лунин, следовательно, – уточнил он на всякий случай.

– Нет, Илья Олегович, я не на операции, – добродушно отозвался заведующий отделением, – скажу вам честно, во время операции я бы не ответил не то что вам, но и Господу Богу, если бы он, конечно, надумал мне позвонить в такой неподходящий момент. Но вы набрали весьма удачно. Я только что выпил чашечку кофе и не прочь с кем-нибудь немного побеседовать. Итак, чем могу быть полезен?

– Яков Моисеевич, у меня такой вопрос к вам, как к специалисту, – Илья еще раз мысленно окинул взглядом поднос с предстоящим обедом и решил, что обойдется всего одной чесночной булочкой вместо двух запланированных, – по поводу Веретенникова.

– Веретенников? – обрадовался Яков Моисеевич. – Я как раз недавно заходил его проведать, у него все замечательно.

– Замечательно? – удивился Илья. – Он что, очнулся?

– Ну что вы, – доктор добродушно хихикнул, – очнуться он уже вряд ли когда сможет, замечательно то, что пока не наблюдается ухудшения его состояния. Поверьте, он потерял столько крови, что это просто удивительно. Я даже задумался, а не написать ли мне небольшую статейку на эту тему. У нас, знаете ли, есть журнал, министерство здравоохранения издает, так вот считается довольно престижно там печататься. Хотя, вы же понимаете, я за престижем не гонюсь, но такой интересный случай...

– А вот скажите мне, пожалуйста, – Лунин наконец решился прервать словоохотливого хирурга, – могло так случиться, что Веретенников сам нанес себе эти раны?

Телефон замолчал. Лунин озабоченно взглянул на экран, судя по стремительно бегущим секундам, отсчитывающим время вызова, разговор не прервался.

– Яков Моисеевич, вы здесь? – осторожно спросил Илья.

- Но зачем. Зачем ему это нужно? – недоуменно отозвался врач.
- Не знаю, – честно признался Лунин, – пока это только предположение.
- Знаете, Илья Олегович, – Яков Моисеевич поцокал языком, словно приманивая к себе белку, – ваше предположение может иметь смысл.
- Правда? – Илья не мог сдержать радости.
- Правда, – согласился заведующим и тут же добавил: – Но только в одном случае. Если Веретенников сам решил умереть. А судя по тому, как он борется за жизнь, такого решения он не принимал.
- Вы уверены? – Илья знал, что вопрос звучит глупо, но все же не удержался от того, чтобы его не задать.
- Ох, Илья Олегович, – Лунин представил, как Яков Моисеевич осуждающе качает головой, – вчера же приезжал ваш эксперт, – в слове «эксперт» отчетливо слышалась неприкрытая снисходительность, – Зуев, мы с ним вместе осматривали пациента. Он еще не предоставил вам письменный отчет?
- Пока нет. – Лунин с досадой подумал, что стоило вначале ознакомиться с заключением эксперта, а уже потом беспокоить Якова Моисеевича.
- Еще пишет? – снисходительно вздохнул хирург. – У него работа такая, писать. А у нас, значит, лечить, – он вновь позвал невидимую белочку, – тогда расскажу на словах. Наши мнения в целом совпали. На руках у Веретенникова глубокие рассечения, это очень похоже на то, что он пытался защититься от размахивающего ножом человека. Проникающие ранения брюшной полости, их всего два, но нанесены в полную силу, раны очень глубокие. Чтобы после них гарантированно выжить, необходимо, чтобы помощь была оказана фактически сразу, во всяком случае, чем скорее, тем лучше, а он около часа только провалялся там, на берегу. Уверяю вас, Илья Олегович, ваш Веретенников очень хочет жить, а тот, кто это с ним сделал, очень хотел, чтобы он со своей жизнью расстался.

Апрель 2019 года

Красная «ауди», не включая поворотника, повернула направо. Андрей крутанул руль, и его внедорожник устремился вслед за преследуемой машиной. Еще один поворот, и «ауди» притормозила возле уже начавших сдвигаться в сторону кованых автоматических ворот. Еще мгновение, и красный автомобиль въехал во двор и остановился на выложенной брусчаткой площадке перед гаражом. Веретенников успел проскочить следом раньше, чем ворота закрылись. Андрей чуть не расхохотался, когда увидел испуганное лицо Кати, заметившей незнакомый автомобиль. Он вышел из машины и помахал жене рукой.

– Ты не представляешь, как напугал меня, – Катя распахнула дверь и выставила из машины затянутые в узкие джинсы ноги, – я даже двери с перепугу заблокировала.

– Да ладно, – Андрей несильно хлопнул по капоту БМВ, – не такие уж мы и страшные, я бы даже сказал, вполне себе красавцы.

– Ты что, купил это? – Катя удивленно разглядывала белоснежный внедорожник.

– Ну ты как скажешь – «это», – возмутился Веретенников, – еще скажи «оно». «Икс-седьмой», зверюга! Садись, посмотришь, чего там внутри наворотили.

– Ты же говорил, что с «мерседесов» на БМВ не пересаживаются. – Катя вальяжно устроилась за рулем нового автомобиля и окинула взглядом приборную панель. – Знаешь, мне кажется, они могли бы придумать что-то пооригинальнее.

– Ну куда оригинальнее, – обиженно проворчал Андрей, – там и так столько всего понапихано. Топовую комплектацию взял.

– Я имею в виду – по дизайну. Внутрь садись – и сразу старый «икс-пятый» вспомнишь. – Она выбралась из машины и, подойдя к мужу, поцеловала его в щеку. – Помнишь,

у Таньки Колычевой был лет пять назад? Мы еще, когда на водохранилище ездили, чуть не утопили его?

– Ну ты сравнила, – фыркнул Веретенников, – земля и небо!

– Ладно, ладно, машина шикарная, – успокоила Катя мужа. – Что, будем сегодня твое небо обмывать?

– Непременно, – просиял Андрей, – между прочим, я пару бутылочек брюта прикупил, все, как ты любишь.

– Ой, ну иди ко мне, я тебя еще разок поцелую.

Катя звонко рассмеялась, ее влажные губы встретились с губами Андрея. Он закрыл глаза и, прижав к себе жену, с силой впился в ее губы ответным поцелуем.

Август 2019 года

Илья сделал еще глоток и, бросив пустую бутылку на пол за пассажирское сиденье, прислушался к своему организму. Легче не стало. Изжога мучила Лунина вот уже почти два часа. Началась она почти сразу после того, как он, плотно пообедав, въехал на оживленные улицы Новосибирска. Сам обед оказался вовсе не так хорош, как было расписано в прочитанных им вчера отзывах. Допивая водянистый, почти безвкусный компот, Лунин подумал, что, возможно, отзывы пишут сами сотрудники кафе в свободное от основной работы время, а быть может, судя по количеству хвалебных комментариев, это делает специально нанятый человек. Лучше бы они повара нормального наняли, подумал Илья, пристраиваясь в хвост пробке на въезде в город. Очевидно, владельцы кафе успешно освоили не только Интернет, но и более тонкие материи, во всяком случае, в животе Лунина мгновенно что-то кольнуло, и он почувствовал сильнейший приступ изжоги.

– Сейчас пока прямо, – подсказал Лунину сидевший рядом с ним оперативник, заметив, что Илья включил правый поворотник.

– Да мне тут надо, сейчас, – невнятно промямлил Лунин, пристально высматривая свободное место для парковки, – подождите немного, я быстро.

Заглушив двигатель, Лунин выскочил из машины и с обычно не свойственной ему быстротой направился к ближайшему жилому дому, на стене первого этажа которого была хорошо видна ярко-зеленая вывеска с белыми буквами: «Аптека». Через несколько минут Илья уже обычным, неторопливым шагом возвращался обратно к машине, на ходу доставая из упаковки с лекарством таблетки. В инструкции было написано, что рассосать одну будет вполне достаточно, но на всякий случай Лунин отправил в рот сразу два коричневых кругляша.

Когда «эксплорер» подъехал к натянутой железной цепи, перекрывающей въезд на территорию промышленной базы, таблетки уже оказали свое благотворное действие на измученный желудок Лунина, и теперь Илья чувствовал себя гораздо бодрее. Он несколько раз надавил на середину рулевого колеса и подмигнул сидевшему рядом оперативнику.

– А я тебе сейчас посигналю, – из сторожки на въезде появился упитанный мужчина лет пятидесяти с недовольным лицом, – что, с глазками совсем плохо?

Он ткнул пальцем в висевшую на столбе перед въездом табличку, грозно извещавшую о том, что: «Въезд строго по пропускам. Посетителям ставить машины на гостевой парковке». Стрелочка под надписью, направленная куда-то влево, очевидно, указывала направление в сторону этой самой гостевой парковки.

– Мужчины, чего замерли? – Охранник подошел вплотную к автомобилю. – Пропуска нет, значит, поворачиваем руль влево и едем двести метров, там стоянка.

Стекло пассажирской двери плавно опустилось, в образовавшемся проеме возникло улыбающееся лицо оперативника и рука, сжимающая раскрытое удостоверение.

– Чего шумишь, дядя? – В отличие от неудачно пообедавшего Лунина, полицейский сумел в разгар рабочего дня заскочить домой и сейчас пребывал в благодушном настроении. – Вот тебе пропуск, смотри, какой хорошенький. Ты не поверишь, с ним вообще куда хочешь пускают.

Толстяк наклонился и внимательно прочитал удостоверение, затем многозначительно хмыкнул.

– О как! Аж целый капитан Орешин. И что, к кому пожаловали? Али за кем?

– Много будешь знать, дядя, пузо лопнет, – ухмыльнулся капитан, – убери свою цепочку и скажи мне, офис «Тяжтехстроя» тут где сидит?

– Здесь не сидят, здесь работают, – вздохнул охранник, – значит, проедете в ворота, прямо метров сто, по правую руку увидите двухэтажное здание из белого кирпича. Ну вот, на втором этаже все начальство и находится.

Что-то недовольно бурча себе под нос, толстяк вернулся в сторожку, а еще через несколько мгновений натяжение цепи стало ослабевать, и она медленно опустилась на бетонную плиту.

– Вот не любит у нас народ органы правопорядка, – Орешин закрыл окно и с усмешкой взглянул на Лунина, – но побаивается. На этом и держимся.

Ничего не ответив, Илья плавно нажал на педаль газа. Автомобиль неторопливо двинулся вперед, сначала передними, а потом задними колесами переехав лежащую в бетонной пыли цепь. Припарковавшись у офисного здания, Лунин в сопровождении Орешина поднялся на второй этаж, и вскоре они уже сидели в кабинете Романа Львовича Грановского – коммерческого директора возглавляемого Веретенниковым предприятия.

– Чай, кофе? – Хозяин кабинета был совсем не удивлен подобным визитом. – Я все думал, когда же вы придете? Еще вчера ждал, если честно.

– Можно мне чай сладкий, – попросил Лунин, справедливо решив, что его многострадальный желудок стоит немного побаловать, – и желательно покрепче.

– Секундочку, сейчас все будет. – Роман Львович нажал кнопку селектора: – Ириша, сделай нам, пожалуйста, чайку... Вы что-то будете? – Он вопросительно взглянул на оперативника, но тот отрицательно покачал головой. – Два чая, и покрепче, пожалуйста.

– А чего это вы нас так ждали? – любопытствовал Орешин. – Желаете в чем-то признаться?

– А вот потому и ждал, – нервно отозвался Грановский. Его любезная гостеприимность мгновенно растворилась в явно слышимых нотках отчаяния. – У вас же как? Раз есть преступление, значит, есть тот, кто в нем заинтересован. Правильно я говорю?

– Вы говорите, говорите, – одобрил его капитан.

– А я и говорю, – Роман Львович ослабил на шее галстук, – кроме Кати и Светки, у Андрея родственников больше не было. Все активы его – в этом предприятии. А на предприятии кто второй партнер? Правильно, Грановский. Кто распоряжается всеми средствами?

– Да неужели? – усмехнулся Орешин.

– Правильно, опять Грановский! И что из этого следует?

– Что? – Лунин оторвался от разглядывания многочисленных грамот, украшающих стены кабинета, и теперь с любопытством смотрел на сидящего перед ним человека.

– А то и следует, – голос Грановского дрожал не то от страха, не то от возбуждения, – самое заинтересованное лицо в гибели Андрея – это я. А значит, по вашей логике, я и заказчик. Исполнителем быть точно не мог, поскольку весь день проторчал в кабинете. Как у вас говорят, у меня алиби.

Дверь кабинета распахнулась, и секретарша внесла поднос, на котором Лунин, к своему удивлению, кроме чашек с чаем и сахарницы, увидел еще и два бокала, источавших ароматный запах хорошего коньяка.

– А коньяк зачем? – Грановский явно не ожидал подобного разнообразия.

– Так вы же сказали «и покрепче». – Секретарша с удивлением смотрела на Романа Львовича.

– Так, чай оставляй, коньяк забирай, – скомандовал Грановский.

– А куда ж я его, обратно в бутылку?

– Не знаю, хочешь, сама пей. Уноси! – Роман Львович поморщился и нетерпеливо махнул рукой. – Хотя, погоди, оставь. Я сам выпью, пока можно.

Илья бросил в чашку два кубика рафинада и, со звоном размешивая сахар мельхиоровой ложечкой, проводил взглядом выходящую из кабинета женщину, после чего сделал маленький глоток.

– Мне нравится, – Лунин мечтательно улыбнулся и сделал еще глоток, – мне нравится ваша логика, Роман Львович.

– Ага, вы ж только что нам все дело размотали, – ухмыльнулся Орешин. – А что, мотив есть, подозреваемый есть, хоть сейчас дело в суд отдавать можно. А ежели вы нам еще и исполнителей сдадите, то суд непременно учтет ваше содействие следствию. Есть шанс соскочить с пожизненного!

– Очень смешно. – Возбужденный Грановский хотел было вскочить с места, но тут же осел под неожиданно ставшим тяжелым взглядом оперативника.

– А вы тогда грустного клоуна нам здесь не изображайте, – посоветовал капитан, – вот следователь по этому делу, – кивнул он на прихлебывающего горячий чай Лунина, – он будет задавать вам вопросы, а вы на них отвечайте. Откровенно, подробно, а главное, без этих ваших эмоций.

Грановский на пару мгновений зажмурился, пытаясь взять себя в руки, затем открыл глаза и вымученно улыбнулся Лунину.

– Ну что же, попробуем без эмоций. Задавайте ваши вопросы.

– Роман Львович, вы с Веретенниковым давно знакомы? – Илья поставил наполовину пустую чашку на стол.

– Да уже прилично, больше десяти лет точно, – Грановский наморщил лоб и прищурился, – ну да, в этом году двенадцать будет.

– Вы все время вместе работали?

– Вместе – будет сказать неправильно, – покачал головой Роман Львович, – я работал на Веретенникова. Даже сейчас, хотя я и являюсь партнером Андрея, но моя доля всего десять процентов. А двенадцать лет назад он взял меня на работу главным бухгалтером. Тогда еще бизнес не был таким масштабным, как сейчас, за пределами области мы вообще не работали.

– А ваш бизнес, он вообще в чем заключается, – Лунин вновь потянулся к чашке с чаем, – судя по названию, вы что-то строите?

– Нет, сами мы не строим, мы, так сказать, помогаем. – Увидев на лице Лунина непонимание, Грановский поспешил объяснить: – Мы даем людям в аренду строительную технику.

– И все? – удивился Лунин.

– И все, – подтвердил Роман Львович.

– А зачем им это нужно? Я имею в виду тех, кто строит. Насколько я знаю, там же огромные деньги, в строительстве. Разве им не проще купить свою технику?

– Может, и проще, – на щеках Грановского появился жизнерадостный румянец, – но не выгоднее. Понимаете, строительство, особенно в нашей стране, явление непредсказуемое. Вот представьте, вы, – он ткнул пальцем в Лунина, – выиграли тендер на ремонт дороги. Вам нужен асфальтоукладчик, нужен скрепер, это такая машина, старый асфальт снимает. Да много чего нужно. И вот вы все это дело купили. Ладно, если из прибыли, а, как правило, все ведь берется в кредит. Кредит вы взяли, технику купили, а на следующий год тендер он выиграл! – указательный палец обличающе уставился в сторону Орешина. – И что тогда? Сушите весла?

– И что же тогда? – Лунин допил чай и вновь поставил теперь уже абсолютно пустую чашку на стол.

– А тогда, – промурлыкал Грановский, – выиграв тендер, вы не покупаете кучу техники, которая, может быть, вам потом никогда не понадобится, а приходите в «Тяжтехстрой», то есть к нам, и берете в аренду все, что вам нужно. Ну а на следующий год, – Грановский ласково улыбнулся оперативнику, – к нам приходите вы.

– В общем, не важно, кто строит, а зарабатываете вы, – сделал вывод Лунин. – Хорошо придумано.

– Очень! – согласился Грановский. – Очень хорошо все придумано, и я вас уверяю, от этого все только в плюсе.

– Что-то я плюсов особо не заметил, – недоверчиво хмыкнул Орешин, – во дворе два бульдозера, один даже без гусениц. С чего навар-то будет?

– Замечательная, – всплеснул руками Грановский, – замечательная наблюдательность! Верно, всего два трактора, один из них в ремонте. Вы очень все точно подметили, господин...

– Капитан Орешин, – буркнул оперативник.

– Господин капитан Орешин, – подхватил Роман Львович. – Уверен, с такой замечательной наблюдательностью вы скоро станете господином майором. Вот только один нюанс! Из увиденного вы сделали совершенно неправильные выводы. Я бы сказал, прямо противоположные тому, что имеет место на самом деле.

– Да неужели?

– Чувствую, чувствую в ваших словах иронию, – улыбнулся Грановский. – Сейчас у нас какой месяц, не подскажите?

– С утра август был, – неохотно отозвался капитан.

– Верно, – жизнерадостно закивал Грановский, – с утра был август. Более того, он и сейчас август. А что из этого следует?

– Ну и? – нахмурился Орешин.

– А то, что скоро сентябрь, – назидательно произнес Роман Львович, – а сентябрь – это осень, заморозки. В Сибири живем, сезон короткий, за лето все успеть надо. Так что вся наша техника, ну вот почти вся, – поправился Грановский, с досадой взглянув за окно, – сейчас в работе, и до октября месяца мы ее на площадке не увидим. Вот так вот.

– Я так понимаю, предприятие у вас достаточно прибыльное, – подытожил Илья.

– Ну как вам сказать, – улыбка мгновенно испарилась с лица финансового директора, – вы не представляете, какой объем у нас платежей по кредитам. А налоги? За всю эту технику начисляются сказочные налоги, причем сказка совершенно жуткая. Слева волки, справа дровосеки, куда бежать – непонятно. Так что не так много на самом деле остается. Так, бабушке на пирожки.

– Роман Львович, – усмехнулся Лунин, – хорошая для вас новость состоит в том, что налоговые, также как и прочие ваши ухищрения, меня не очень интересуют. Я расследую убийство семьи вашего компаньона. А вторая новость, – Илья причмокнул губами, давая понять, что вряд ли Грановский сочтет ее столь же приятной, – в том, что мы все равно изыщем всю финансовую документацию и внимательно ее изучим.

– Как? – побледнел Роман Львович. – Зачем?

– Мой вопрос, собственно, вот о чем, – невозмутимо проигнорировал вопрос Лунин, – если предприятие имело прибыль, причем достаточно крупную, не могло получиться так, что кто-то этой вашей прибылью заинтересовался? Я имею в виду кто-то такой, кто решил, что эти деньги лучше себя будут чувствовать в его кармане, чем у вас с Веретенниковым.

Известие о предстоящей выемке документов настолько выбило Грановского из колеи, что он не сразу смог понять смысл заданного ему вопроса.

– Я вот не очень пойму, – забормотал финансист, – вы сейчас о ком именно говорите?

– Веретенникову кто-то предлагал продать бизнес? – нетерпеливо рявкнул Орешин.

– Да, пару раз такое было, – наконец смог взять себя в руки Роман Львович, – причем последний раз это случилось несколько месяцев назад, весной.

– Веретенников отказался?

– Ну конечно! Конечно, отказался! А разве могло быть иначе? Он же с нуля создал это предприятие, – Грановский говорил торопливо, нервно постукивая пальцем по полированной столешнице, – да и цена. Цену предложили вдвое меньше, чем та, которую можно было бы рассматривать хотя бы теоретически.

– Ну и кто сделал вам такое предложение? – не вытерпел Орешин.

Грановский осекся и некоторое время сидел молча, уставившись куда-то в стену. Когда он вновь заговорил, голос его звучал еле слышно.

– Я не знаю. Вы можете, конечно, мне не верить, но я действительно не знаю. Обычно у Андрея не было от меня секретов. А здесь, – Роман Львович уныло пожал плечами, – он неожиданно уехал в Среднегорск, вернулся на третий день. Покрутился в офисе минут пятнадцать, ничего толком не рассказывая, но было видно, что настроения у него нет. На следующий день на работе он не появился, и дозвониться до него тоже никак нельзя было. После обеда я не выдержал и поехал к нему домой. Он был у себя, пьяный. Настолько пьяным я его давно не видел. Так давно, что почти никогда. Все, что я смог от него добиться, – это то, что кто-то хочет купить нашу компанию. Его компанию. Но кто эти люди, он мне не объяснил, сказал, что мне самому так будет лучше, ничего не зная, – Грановский тяжело вздохнул, – единственное, что я понял, – эти люди имеют какое-то отношение к губернатору Среднегорской области.

– К Сергеевичу? – не удержался Лунин.

– Я не утверждаю, – спохватился Роман Львович, – Андрей мне напрямую этого не говорил, но впечатление у меня возникло.

– Ясно, – кивнул Лунин, – и чем закончилась эта история?

– Да вроде бы ничем, – развел руками Грановский, – Андрей еще пару раз ездил в Среднегорск, вел какие-то переговоры, но возвращался уже в более адекватном состоянии. Я решил, что все как-то само собой рассосалось. А что? – Он удивленно поднял брови. – Неужели вы думаете, что есть какая-то связь между нападением и этими...

– Нет, я не думаю, – перебил его Лунин и взглянул на Орешина: – Что, люди подъехали?

– Минут десять, как эсэмэску прислали, – кивнул капитан, – сидят в машине у входа.

– Ну что же, Роман Львович, – Илья взглянул на притихнувшего Грановского, – начнем, пожалуй, выемку документов. И, если можно, попросите сделать мне еще чайку, покрепче.

В гостиницу Лунин заселился лишь поздним вечером. Устало опустившись на кровать, он достал из кармана смартфон и вновь позвонил Хованскому.

Голос полковника был полон недоумения.

– Вот тебе это зачем надо? Это же не место преступления, чего там осматривать? И потом, ключи, я так понимаю, ты в Аликаново не забрал. Так поедешь? И что там делать будешь, дверь ломать?

– Ну, можно и сломать, – вздохнул Лунин, – дверь – это не главное, что есть в жизни. Представляете, если там собака одна, голодная? Уже сколько времени прошло.

– Собака, – пробормотал Хованский, – собака – это, конечно, аргумент серьезный. Ладно, завтра с утра решим вопрос.

– Спасибо, Дмитрий Романович, – расцвел Илья.

– Лунин, ты вот вроде и не по видеосвязи звонишь, а я все равно вижу, как ты лыбишься, – фыркнул Хованский. – Ты это дело прекращай, на часы глянь лучше. Приличным людям уже в койке давно быть пора, а ты сам не спишь и начальство терроризируешь.

– Спокойной ночи, Дмитрий Романович, – пробормотал Лунин, но вместо ответа услышал лишь телефонные гудки. Покрутив в руке смартфон, он набрал номер Юленьки.

Жена ответила в самый последний момент, когда потерявший терпение Лунин уже собирался прервать вызов.

– Да, Лунтик.

Илья улыбнулся. Голос жены звучал приветливее, чем он рассчитывал.

– Да, конечно, дома. Ты же знаешь, я в это время всегда смотрю телевизор. Слава богу, там еще пока есть что смотреть... Когда ты приедешь? Ах, еще не точно... Ну хорошо, как будешь выезжать, позвони мне... Да, целую тебя.

– Целую тебя, – влажные губы коснулись Юленькиной шеи.

Отбросив телефон на кровать, она стремительно обернулась.

– Гришин! До чего ж ты нетерпеливый!

– Это плохо? – Он с силой прижал ее к себе.

– Отвратительно, – прошептала Юленька, обвивая его руками.

Июнь 2019 года

Андрей налил себе еще немного вина и, сделав глоток, расслабленно откинулся на спинку стула.

– Светик, мы вот с мамой подумали, – он подмигнул улыбнувшейся ему в ответ Екатерине, – раз уж ты нас так порадовала, так удачно поступила, пожалуй, и мы должны сделать тебе подарок.

– Подарок в студию! – тут же провозгласила Света, уже несколько раз намекавшая родителям, что ходить на занятия в лучший вуз страны и пользоваться при этом устаревшей моделью смартфона по меньшей мере неприлично.

– Нет, Светочка, в студию наш подарок не войдет, хотя, – он окинул взглядом просторную гостиную, – может, конечно, и поместится, но вот занести все равно не сможем.

– Папка, вы что, купили мне машину? – Взвизгнув, Светка вскочила со стула и устремилась к отцу.

– Машину? – удивленно пробормотал Веретенников, обнимая дочь. – А что, разве ты хотела машину?

– Да! – Чмокнув отца в ухо, Светка уселась ему на колени. – Я всегда хотела машину. Сколько себя помню.

– Господи, мать, – Андрей с улыбкой повернулся к жене, – беда у нас, у дочки память совсем плохая стала. К врачу ее надо. Помнится, дорогуша, – он потрепал Светку по голове, – года три назад ты хотела собаку, причем непременно хаски. Обещала даже с ней каждый день бегать по десять километров. Было такое?

– Ну, папа! – Шутливо стукнув кулачком в грудь отца, Светка вскочила на ноги. – Нельзя быть таким злопамятным. Это была ошибка, скажем так, ошибка молодости. Хорошо, что ты не поддался.

– Угу, каких нервов только мне это стоило, – хмыкнул Андрей, – что касается твоей молодости и ее ошибок, то сердце мне подсказывает, что все у нас еще впереди.

– Вот ты еще меня не пугай, пожалуйста, – вмешалась в их разговор Екатерина, – мне и так ее одну отпускать страшно.

– Вот, дочка, маме страшно, – покачал головой Веретенников, – поэтому, чтобы не пугать ее еще больше, мы пока машину тебе покупать не будем.

– Ну, папа, – разочарованно протянула Светка.

– Прав у тебя пока все равно нет, – невозмутимо продолжил Андрей, – а чтоб ты не дулась, у меня есть следующее компромиссное предложение: ты хорошо сдаешь зимнюю сес-

сию, и тогда я оплачиваю тебе занятия в автошколе. Как раз к лету получишь права. Далее, – он щелкнул пальцами, показывая, что все самое интересное им еще не сказано, – сдаешь хорошо вторую сессию, приезжаешь к нам на каникулы, и здесь месяцок мы с тобой вдвоем покатаемся. И не надо делать такое кислое лицо. Папа не тиран, папа заботливый. Месяц покатаемся и, если я сочту, что тебя безопасно для окружающих можно выпускать на дорогу, мы купим тебе машину. Договорились?

– Так, а подарок-то сегодня будет? – Светка сделала вид, что предложение отца ее совсем не заинтересовало, хотя глаза ее сияли от восторга.

– Ну как сказать, сегодня, – Веретенников задумчиво наморщил лоб и с усмешкой взглянул на жену: – Объясни лучше ты ей, а то я ей что ни скажу, она все недовольна.

– Светочка, – Екатерина взяла мужа за руку, – мы с папой подумали, что учиться тебе еще шесть лет, а шесть лет – это долго. И вряд ли стоит тебе эти годы провести в общежитии. Поэтому папа, – она нежно взглянула на Андрея, – немножко поскреб по сусекам и наскреб там на квартиру в Москве.

– Причем не абы где, а на проспекте Вернадского, до университетского городка всего минут пятнадцать пешком будет, – Андрей придвинул стул чуть ближе к Екатерине и обнял жену, – такой вот наш тебе, дочка, подарок. Ну как, устраивает?

Света, застыв на месте, недоверчиво переводила взгляд с отца на мать и обратно. Наконец, поняв, что родители не шутят, оглушительно завопила:

– Квартира! В Москве! Моя квартира!

Она вновь бросилась к родителям и, обняв их обоих одновременно, принялась по очереди зацеловывать, попадая губами то в нос отцу, то в лоб улыбающейся сквозь слезы матери. Когда она наконец немного успокоилась и, разжав объятия, позволила родителям перевести дух, Андрей глотнул еще немного вина и провозгласил:

– Минуточку внимания. Поскольку вопрос с квартирой надо довести до конца, для этого мне надо быть в Москве. Кроме того, там надо все привести в порядок, может, что-то поменять из мебели, да и вообще сделать так, чтобы все было красиво. А посему без мамы тоже никак не обойтись. Так что я предлагаю нам всем троим поехать в Москву, ну и, так сказать, отпраздновать новоселье. Думаю, пару недель мы с мамой сможем там побыть, дела позволяют, ну а потом, Светка, ты уж сама хозяйничать будешь. Ну, как вам идея?

– Класс, – просияла Светка, – когда билеты бронировать будем?

– Куда вы, туда и я, – улынулась Екатерина.

– Ну вот и отлично, – удовлетворенно кивнул Андрей, – билеты нам, правда, не понадобятся. Я предлагаю двинуть на машине. Прокатимся, страну посмотрим. Да и потом в Москве со своими колесами удобней будет.

– Чего это ты вдруг удумал? – удивилась Екатерина. – Это ж почти три дня трястись, были б еще дороги нормальные, куда ни шло, а по нашим... может, не стоит? – Она с надеждой взглянула на мужа, ожидая, что он передумает.

– Ну да, пап, мы там чего по дороге смотреть-то будем? – Светка хихикнула. – Слева елки, справа березы. Посредине комары. Через сто километров елки с березами меняются местами, а комары остаются. Может, на самолетике? А в Москве машину и в каршеринге взять можно.

– Так, женщины, – Веретенников постучал по столу пальцем, – давайте вы главу семьи разок уважите и сделаете так, как ему нравится. Я давно хотел в Москву на машине сгонять, все повода не было. А сейчас самое то. Ну что, едем или будете мне дальше мозг выносить?

– Едем! – согласилась Екатерина, хорошо зная неуступчивый характер мужа. – Лишь бы ты, Андрюшенька, был доволен.

– Ну, значит, едем, – развела руками Светка, – только, чур, я на переднем сиденье буду!

Август 2019 года

Лунин сидел неподвижно, лишь глаза его не переставая следили за расхаживающим из стороны в сторону полковником. Заложив руки за спину и ссутулившись, хозяин кабинета производил впечатление человека, вот-вот собирающегося отправиться если не на Голгофу, то как минимум по этапу, но Илья понимал, что впечатление это действительности ни в коей мере не соответствует.

– Илья Олегович, – голос заместителя начальника областного управления следственного комитета звучал холодно, – вы должны понимать, что находитесь не у себя в области, поэтому не можете делать все, что вам вдруг на ночь глядя пришло в голову, – он исподлобья взглянул на застывшего Лунина, – хотя не уверен, что и Дмитрий Романович часто предоставляет вам подобные возможности.

Лунин молчал. Ответить что-либо означало задеть самолюбие старшего по званию, а этого Илья делать вовсе не собирался. Он понимал, что вопрос решен положительно, в противном случае ему бы уже отказали. Так что все, что он сейчас вынужден выслушивать, – всего лишь паровозный гудок. Прежде чем поехать, надо погудеть и выпустить пар, именно этим сейчас и занимался полковник.

– Дмитрий Романович звонил руководителю нашего управления, – хозяин кабинета остановился у окна, повернувшись спиной к Лунину, очевидно, таким образом он выражал крайнюю степень своего недовольства, – и попросил оказать вам содействие. Было принято решение, – полковник обернулся, сурово нахмутив брови и давая понять, что он тоже имеет отношение к принимаемым в стенах этого здания важным решениям, – пойти навстречу просьбе Дмитрия Романовича.

Сделав несколько быстрых шагов, полковник вернулся к столу и уселся напротив Лунина.

– Надеюсь, вы понимаете, что решение это, оно, скажем так, дружеское и никакого отношения к реальной необходимости производить обыск в доме потерпевшего да еще и в его отсутствие не имеет?

– Когда можно выезжать? – Лунин наконец позволил себе улыбнуться.

– Через полчаса группа будет готова, – полковник неприязненно взглянул на Илью и поднялся из-за стола, – те же люди, что работали с вами вчера в «Тяжтехстрое». Кстати, не забудьте о понятих. Хоть какую-то видимость законности соблюдать вы обязаны.

– Понятые, точно, – кивнул Илья, вставая, – спасибо, что напомнили. У меня есть пара человек на примете. Разрешите идти, товарищ полковник?

– Идите, – сухо кивнул хозяин кабинета.

Оказавшись в коридоре, Илья некоторое время постоял в задумчивости, затем достал смартфон и набрал номер Грановского.

– Роман Львович, добрый день! Следователь Лунин вас беспокоит. Как вы себя чувствуете? А я вам говорил, не надо так нервничать. Послушайте, у меня к вам просьба. Да, можно сказать, дружеская. Возьмите свою очаровательную секретаршу и съездим с вами попить чайку. Где? Ну так дома, конечно. Нет, не у вас, успокойтесь. У Веретенникова.

Дом Веретенникова, расположенный совсем недалеко от берега Новосибирского водохранилища, Лунину понравился. По его мнению, именно так и должен выглядеть дом успешного человека. Строгие линии, сдержанные цвета, огромные панорамные окна. Никаких тебе башенок из красного кирпича, никаких кованых балкончиков. Больше всего Илье понравилась ведущая в дом дверь, а точнее, то обстоятельство, что ломать ее не пришлось. Сторож, живущий в небольшом, спрятанном за разросшимися кустами облепихи домике, равнодушно взглянул на предъявленное ему постановление об обыске и пожал плечами.

– Надо, смотрите. Сейчас ключи принесу.

Оказавшись в доме, Лунин некоторое время бродил по огромной гостиной, разглядывая многочисленные украшающие стены фотографии семьи Веретенниковых. Каждая фотография была сделана в новом, каком-то далеком и, несомненно, замечательном, судя по счастливым лицам Веретенниковых, месте. Объединяло все эти снимки еще и то, что сам Лунин ни в одном из этих прекрасных мест не был. Он узнал знакомые очертания Эйфелевой башни, Биг-Бен, статую Свободы. Где были сделаны остальные снимки, он понять не мог, но, судя по их обилию, жившие в доме люди посетили не один десяток стран мира. Илья удивился, увидев, наконец, на снимке место, где довелось побывать и ему, и снял со стены фотографию в строгом стеклянном обрамлении. Питер. Сколько же лет ему тогда было? Кажется, они ездили на каникулах после седьмого класса. Конечно, поехали не все, у многих родители не смогли оплатить такую поездку, а вот его напряглись. Тогда Лунин вернулся из Петербурга в полнейшем восторге, сделав для себя за время поездки удивительное открытие. Оказывается, город – это не просто сборище унылых серых зданий и закатанных в дырявый асфальт пространств между ними. Город может быть красивым, более того, в город можно влюбиться.

Лунин улыбнулся своим детским воспоминаниям и, привычно вздохнув, направился на второй этаж. Найдя кабинет хозяина дома, Илья некоторое время постоял, глядя на великолепный вид из огромного, во всю стену окна. Позади устремившихся в небо стволов высоченных сосен метрах в двухстах от дома виднелась водная гладь Обского моря. Между домом и берегом не было никаких других построек и наверняка Веретенниковы в теплые летние дни бежали купаться прямо в водохранилище.

Илья сел в стоящее у письменного стола кресло. В отличие от кресел, стоявших в кабинетах руководителей среднегогорского следственного комитета, оно не было кожаным, а было сделано из какой-то странной, сетчатой ткани и обладало множеством не очень понятных Лунину регулировок. Повозившись с разными рычажками, Илья немного откинул спинку назад, приподнял сиденье и чуть-чуть развел подлокотники в стороны. Такое бы кресло ему в кабинет, Лунин мечтательно причмокнул губами и окинул взглядом стеклянную поверхность стола. Монитор компьютера, несколько записных книжек, стопка каких-то бумаг, еще одна фотография, на которой совсем молодой мужчина, похожий на Веретенникова, а скорее всего, сам Веретенников, держит на руках маленькую девочку лет трех, а к нему прижимается тоже молодая и очень красивая девушка. И все они улыбаются. Все счастливы, по-настоящему счастливы. Лунин придвинул к себе фотографию, возможно, точно так же Веретенниковы улыбались за несколько минут до своей гибели. Илья вернул фотографию на место и, откинувшись на спинку кресла, зажмурился. Вот до чего же странно все организовано. Путь от улыбки до слез или даже до смерти можно пройти в одно мгновение. Как там было в этом фильме, когда они последний раз ходили вместе с Юленькой в кино? Щелкнул пальцами, и половина человечества исчезла? Если верить тому, что говорят в новостях, в мире есть два-три человека, которые тоже так могут щелкнуть. Но вот только нет никого, кто мог бы щелкнуть обратно.

– А чего мы, собственно, ищем? – появившийся на пороге кабинета Орешин прервал философские размышления Лунина.

– Идеальным было бы найти письмо с угрозами, – усмехнулся Лунин.

– Ага, и чтоб убийца подписался, – кивнул капитан. – А что-нибудь менее сказочное нас интересует?

– Вопрос сложный, – признался Илья, – в любом случае забираем компьютеры, любые носители, записные книжки. Будем все лопатить.

– Ага, ну прям «Веселая ферма», – усмехнулся Орешин.

– И кстати, – спохватился Лунин, – грузим ко мне в машину. Там не заперто, и сидушки я разложил уже.

– А это согласовано? – нахмурился оперативник.

– У тебя же телефон есть, так ты позвони, проверь.

– Хорошо, – коротко кивнул Орешин, – я позвоню.

Он немного помялся в дверях, затем подошел к столу.

– Без обид только! Сам понимаешь, ты к себе укажишь, а мне с этими крокодилами тут оставаться. А я рыбка маленькая.

– Да все нормально, – добродушно улыбнувшись, Илья вновь взглянул на фотографию, с которой в ответ ему улыбалась счастливая семья Веретенниковых.

Илья еще не доехал до гостиницы, когда раздался звонок. Взглянув на экран, Лунин с удивлением увидел, что звонит Яков Моисеевич.

– Илья Олегович, мое почтение, – жизнерадостно затараторил заводителем, – у меня для вас сюрприз, надеюсь, приятный.

– Надеюсь, – хмуро пробормотал Лунин, уставший за время так ничего и не давшего обыска.

– Наш пациент едет к вам! – торжественно провозгласил Яков Моисеевич. – Вы меня слышите?

– Пациент едет, – повторил Лунин, заворачивая на парковку гостиницы, – какой пациент? Вы сейчас что, о Веретенникове?

– Ну да, именно. Мне казалось, другие пациенты нашей больницы не входят в круг ваших интересов.

– А почему вдруг его решили перевести? – Илья нашел свободное место и, припарковавшись, заглушил двигатель.

– Понимаете, сегодня у нас состоялся врачебный консилиум, с вашего позволения, телеконференция. Мы пришли к единогласному мнению, что в Среднегорске будут созданы наилучшие условия для восстановления больного, и он быстрее сможет вернуться к полноценной активности.

– Куда он сможет вернуться? – оторопел Лунин. – Вы же говорили, что ему недолго осталось.

– Увы, увы, Илья Олегович, – сокрушенно вздохнул хирург, – мы тоже иногда бываем не правы. С сожалением вынужден признать, что ошибался в своем прогнозе, три часа назад Веретенников пришел в себя.

Хотя, знаете, – спохватился Яков Моисеевич, – лучше ошибиться в эту сторону, чем наоборот.

– Тут вы правы, – Лунин задумчиво смотрел на возвышавшийся прямо перед ним серый прямоугольник гостиницы, – тут вы, несомненно, правы, Яков Моисеевич. Впрочем, скажу я вам, вы и со своим прогнозом не так уж далеко ушли от истины.

– Это как? – удивился врач.

– Ну, вы же говорили, что Веретенников у вас долго не задержится. Вот он и не задержался.

Закончив разговор, Илья взглянул на часы. Было уже почти восемь часов вечера, и тащиться прямо сейчас, на ночь глядя, в Среднегорск никакого смысла не имело. Если сегодня лечь спать пораньше, а завтра часов в шесть утра выехать, то к двум, ну самое позднее к трем он будет у себя в городе.

В своих расчетах Илья не ошибся. Еще не было и половины третьего, когда его «эксплорер» миновал запыленную стелу с огромными, заметными почти за километр, буквами «Среднегорск» и гербом, на котором среди двух черных треугольников гор был аккуратно вписан голубой овал озера. За те несколько дней, что Лунина не было, в Среднегорске совсем ничего не изменилось, а движение по улицам города, как и прежде, представляло собой бесконечную цепь неспешных переползаний от одного светофора к другому. Сами светофоры в этот день

были почему-то настроены весьма агрессивно, и Илье еще ни разу не удалось проехать перекресток на зеленый, не постояв некоторое время, созерцая унылый поток ползущих в перпендикулярном направлении машин. До дома оставалось не так уж и много, еще пару кварталов проехать прямо, затем свернуть налево, и еще три светофора по прямой. Но, пожалуй, прежде стоит заскочить в еще одно место. Не такой уж большой крюк, главное, чтобы по пути пробок не оказалось. Лунин взглянул на экран навигатора и начал перестраиваться в правый ряд.

Потратив изрядное количество времени на выяснение того, в каком отделении находится Веретенников, кто его лечащий врач и где его в данный момент времени можно найти, Илье, наконец, оказался в кабинете заведующего хирургическим отделением. В отличие от своего аликановского коллеги Михаил Станиславович был высоким, крупным мужчиной, да к тому же обладателем мощного рокошущего баса.

– Ну это совершенно исключено, – почти каждую свою фразу Михаил Станиславович сопровождал решительным взмахом руки, – поймите же, я бы не стал понапрасну упорствовать. Как-никак уже пять лет отделением заведую, и с компетентными органами общаться приходится регулярно, – он усмехнулся, – ваших клиентов, как правило, везут именно к нам. Но сейчас вам говорить просто не с кем. Веретенников спит. Понимаете?

– Но он не в коме? – уточнил Лунин.

– Нет, он просто спит. Обычным человеческим сном.

– А разбудить его нельзя? – Илье почему-то не хотелось уступать этому вальяжному, уверенному в себе врачу. – Мы поговорим немного, а потом пусть спит хоть до самого утра. А завтра я опять приду.

– Нельзя, – покачал головой Михаил Станиславович, – никак нельзя.

– Это почему же?

– Да потому, господин следователь, – начал сердиться заведующий, – что пациент, конечно, спит сам, но, чтобы сон его был дольше, крепче, а значит, в большей степени способствовал восстановлению, он получает внутривенно препараты, этому сну способствующие. Так что разбудить его никак не получится. Я, надеюсь, доступно вам объяснил?

– Когда? – Лунин поднялся, смотреть на врача сверху вниз было несколько приятнее.

– Что – когда? – не понял Михаил Станиславович.

– Когда я смогу пообщаться с Веретенниковым?

– Знаете, я бы не стал давать точные прогнозы. – Заведующий тоже встал, и Лунин с удовлетворением отметил, что он на пару сантиметров выше врача. – Давайте сделаем так: если завтра такая возможность будет, я вам сразу же позвоню. Вы ведь сможете подъехать?

– Непременно, – кивнул Илье и протянул хирургу визитку.

Пройдя через огромный, заросший старыми тополями двор городской больницы, Лунин нашел свой автомобиль на парковке и нажал кнопку на брелоке сигнализации. «Эксплорер» дружелюбно моргнул фарами, показывая, что готов продолжать путь. Илье взглянул на часы. Без четверти пять. До здания следственного управления ехать минут двадцать от силы, и то, если опять не повезет со светофорами. Пожалуй, стоит заскочить и выгрузить изъятые в доме Веретенникова документы и технику. Если кто-нибудь поможет, то можно будет все быстро перетащить на второй этаж. Наверняка куча народу сидит в своих кабинетах и не знает, как и чем занять оставшееся до конца рабочего дня время. Вот пусть кто-нибудь немного и разомнется, еще спасибо скажет.

Однако никого из немногочисленных молодых сотрудников областного управления на месте не оказалось. Восседавшие за своими столами сотрудники следственного комитета в основном были женщинами, за исключением пары престарелых ветеранов, по мнению Ильи, явно затягивающих с выходом на пенсию и беспокоить которых просьбой о помощи он не решил. Перетащив коробки в свой кабинет, Илье выпил невкусной, застоявшейся воды из чайника и сел на стул для посетителей, чтобы отдышаться. Неожиданно Лунин почувствовал,

что устал. По большому счету, он ничего за день не сделал, и от этого чувство усталости было ему неприятно. Илья вытянул во всю длину ноги и откинулся на спинку стула. Стул был жестковат, а спинка слишком мала, чтобы с комфортом поддерживать тяжелое тело, но сейчас Илью это не слишком беспокоило. Решив пару минут провести в тишине и покое, Лунин закрыл глаза и уже через несколько секунд его подбородок коснулся груди.

Первый удар он смог выдержать, но второй был настолько силен, что Илья упал и покатился по полу. Раздосадованный своей оплошностью, Лунин вскочил было на ноги, но жуткая боль, пронзившая ему затылок, не позволяла кинуться на противника. Боясь, что его голова сейчас лопнет от этой безумной, невыносимой боли, Лунин стиснул руками виски и почувствовал, как по пальцам потекла теплая липкая жижа. Что это, Илья понял сразу, еще до того, как поднес руки к лицу. Пошатнувшись, Лунин с трудом удержал равновесие, а затем сжал в кулаки окровавленные пальцы.

– И что теперь? – В голосе нападавшего была отчетливо слышна издевка.

– А теперь моя очередь, – прохрипел Лунин.

– Ты свою очередь проспал давно, – рассмеялся Хованский, – тебя что, из дома выгнали?

Илья открыл глаза и удивленно уставился на стоявшего перед ним начальника областного управления.

– Ой, Илюшенька, проснулся, – ласково поприветствовал его Хованский, – а я уж думал, ты, как богатырь былинный, тридцать лет на этом стуле дрыхнуть собрался, и потом еще три года. Уже два щелобана тебе отвесил, пока будил, а ты все похрапываешь. Хоть бы встал, поприветствовал старшего по званию.

– Приветствую вас, товарищ полковник. – Все еще не до конца проснувшийся Лунин вскочил со стула и потер надувающуюся на лбу шишку. Похоже, щелбаны Хованский отвешивал весьма щедро.

– Илюша, мы ведь не в армии, – укоризненно вздохнул начальник управления, – солдат спит, следствие идет. У нас так не прокатит.

– Извините, Дмитрий Романович, – пробормотал Лунин, – что-то я замотался немного. Вот только из Новосибирска приехал, вещдоки привез, хотел допросить Веретенникова, заезжал в больницу к нему, так врач не пустил.

– Ну, врачи они такие, – усмехнулся Хованский, – им лишь бы не пускать никого, вахтеры из них хорошие потом получают, когда они на пенсию выходят.

Илья хотел было уточнить у Хованского, где он видел врачей-вахтеров, но подумал, что полковник может счесть подобный вопрос проявлением недоверия, и промолчал.

– Ты, раз замотался, езжай домой, нечего здесь притон устраивать, – резюмировал начальник управления, – у тебя жена как-никак. Поди, соскучилась, а ты тут на стуле дрыхнешь. Все, чтоб через минуту тебя в здании не было. Завтра с утра придешь, сразу ко мне. Доложишься, как съездил.

Уже в дверях Дмитрий Романович обернулся и, хитро прищурившись, обернулся к подчиненному.

– А что, Илюша, говорят, ты у нас скоро именинник?

– Послезавтра, – смущенно улыбаясь, подтвердил Лунин.

– И сколько тебе набежало?

– Сорок, – вздохнул Илья, давая возможность Хованскому проникнуться масштабом озвученной годовщины.

– Ну вот, взрослым человеком наконец станешь, – усмехнулся в ответ полковник, – может, теперь соображать будешь лучше. А то ведь, Илюша, показатели у тебя не очень. Я бы сказал, совсем не очень.

Подмигнув растерянному молчавшему подчиненному, Хованский неспешно удалился. Илья еще некоторое время слышал затихающие шаги в коридоре, затем окинул взглядом при-

везенные из Новосибирска коробки и, придя к выводу, что день прожит зря, вышел из кабинета.

Глава 5, *в которой Лунин грустит, дожди идут, а нераскрытых дел становится все больше*

Август 2019 года

Календарь, как всегда, обманул. Он нагло продолжал утверждать, что сегодня еще август, а осень с ее утренними заморозками, затяжными дождями и падающими в грязную жижу листьями наступит только через три дня. Но, судя по открывающемуся за окном виду, это было не так. Осень уже пришла. Она коварно прокралась в город ночью, вместе с огромными закрывшими все небо серыми тучами и холодным фронтом, из-за которого бархатцы, украшавшие круглую клумбу перед зданием следственного комитета, за одну ночь скрючились и почернели. Капли холодной воды, нещадно бившие по клумбе, уже не могли оживить умершие еще ночью цветы. С точки зрения Лунина, дождь не имел никакого смысла, а с учетом того, что он не взял с собой зонтик, и вовсе был воплощением зла, точнее, его мрачным предвестником. Зло придет позже, зимой, когда, с наступлением морозов, его старенький «форд» перестанет заводиться, и на работу надо будет ехать в переполненном мрачными, невыспавшимися людьми, но все равно отчаянно холодном троллейбусе.

Илья Олегович Лунин грустил. Грусть его была многогранна, и от этой многогранности особенно сильно покалывало где-то в груди, слева. Илья грустил, как любой нормальный человек, простившийся с летом, которое, едва успев начаться, стремительно умчалось куда-то вдаль, на юг, туда, где вечно теплое море ласкает бархатные песчаные пляжи, а солнце не только светит, но еще и греет.

Илья Олегович грустил, как грустит любой мужчина, несколько дней назад отметивший свое сорокалетие. Похмелье уже прошло, но понимание того, что тебе уже сорок, а подарки были никчемны, осталось. Дело было не в подарках как таковых. Илья Олегович не был глубоко корыстным человеком, чем, кстати, сильно выделялся из общей массы своих коллег. Дело было в понимании, что раз окружающие дарят тебе никчемные подарки на юбилей, то и сам ты человек никчемный. Ну, или, во всяком случае, не очень кчемный. «Не очень кчемный, – задумался Лунин, – интересно, можно ли так говорить. Хотя, какая к черту разница? Мне уже сорок. Я могу говорить так, как мне нравится. Главное, чтобы начальство не слышало».

Следователь Лунин грустил, как грустит любой работник, получивший очередной нагоняй от своего руководства. Вот уж в чем, а в умении делать сотрудникам выволочки руководитель следственного комитета Среднегорской области был мастер. Самым обидным было то, что, по мнению Лунина, сам он этот нагоняй вовсе не заслужил.

Шесть странных, чрезмерно кровавых, а главное, не давших следствию никаких зацепок убийств молодых женщин были объединены в одно дело всего три дня назад. Три дня! А с момента первого преступления прошло уже больше года, почти полтора. Было бы наивно предполагать, что Лунин за такое короткое время сумеет найти зацепку там, где ее не смогли обнаружить три следователя из разных районов области. А ведь городское управление тоже искало. Последнее, самое кровавое преступление произошло в самом Среднегорске, что в конечном итоге и заставило руководство областного следственного комитета забрать все дела себе, а затем, после некоторых размышлений, свалить их на голову ему, Лунину, в качестве подарка на сорокалетний юбилей.

Илья тяжело вздохнул. Его вздох метнулся к окну, ударился о закрытую форточку и тихо, словно пожелтевший березовый лист, осел на пол. Лунин понимал, что порученное ему расследование, сопровождавшееся краткой, но энергичной речью начальника следственного управления полковника Хованского о высшей степени оказанного ему, Лунину, доверия и полной уверенности в его же, лунинской, компетентности, на самом деле было не чем иным, как могильным камнем на его и без того не очень успешной карьере следователя. Формально все было не так плохо. Следователь по особо важным делам Главного следственного управления Среднегорской области. На визитках, заказанных им два года назад, после получения нового назначения, едва хватало места для такого количества золотых букв. Вся беда была в том, что за два года он так и не смог раскрыть почти ни одного особо важного, а других в его ведении и не было, дела.

Может быть, причина неудач крылась в том, что на следующий день после его назначения полковник Хованский, уйдя в отпуск, улетел во Вьетнам, и проставляться за новую должность Лунину пришлось в его отсутствие. Хотя, возможно, все было результатом того, что секретарша Хованского, улыбочивая Светочка, несколько раз сидела в столовой за одним столом с новым сотрудником, дав повод коллегам, применив скромные профессиональные навыки, прийти к логическим выводам, которые хоть и не были подкреплены никакими доказательствами, но позволяли со всей уверенностью огласить совершенно ошибочный приговор – виновен. После этого оставалось лишь мимоходом донести информацию до грозного шефа, который, хоть сам уже давно оставил попытки соблазнить Светочку, но ревностно не позволял этого делать никому из подчиненных. Так или иначе, Лунину доставались дела, при одном взгляде на которые любой сопливый лейтенант вынес бы однозначный вердикт – всяк.

Вот взять, к примеру, дело Веретенниковых. Ну как по нему можно работать? Свидетелей нет, улики нет. Непонятно как выживший и еле ворочающий языком глава семейства ничего толком вспомнить не может. Шок у него, видите ли! У кого шок, а у кого очередной всяк. Лунин уже почти четыре года как был майором, и проблем с точным диагнозом у него не было.

Выезжая на очередное место преступления, Илья уже заранее знал, что оно не имеет ни малейших перспектив раскрытия. Почему? Да потому, что тогда дело досталось бы любительнице караоке, а по совместительству любимице шефа майору Кравцовой или вечно сутулящемуся под грузом славы и медалей подполковнику Добрынину. Однако в середине августа оба этих гения сыска дружно ушли в отпуск, и Лунин получил шанс заняться наконец делом, которое могло вывести его из уже вполне прочного статуса неудачника и первого кандидата на перевод в одно из районных управлений.

Второй вздох, еще тяжелее первого, с силой ударился об оконное стекло. Чем дольше Лунин изучал перешедшие к нему материалы, тем больше склонялся к унылому выводу – он не сможет раскрыть эти убийства. Конечно, три дня – совсем смешной срок, в сравнении с прошедшим годом, но он, так же, как все вокруг, прекрасно понимал: если следователь не смог найти ничего стоящего за первые дни работы, то с вероятностью девяносто, а может, и более процентов он этого не сможет сделать никогда.

Третий отчаянный вздох уже был готов исторгнуться из груди несчастного Лунина, когда пронзительная трель стационарного телефона вывела его из состояния глубокой депрессии.

– Убийство? Похоже на нашу серию? Хорошо, очень хорошо. В смысле, скоро буду.

Лунин действительно сказал правду. С точки зрения жертвы, ее родственников или даже простых обывателей, убийство – это всегда плохо. С точки зрения следователя, безуспешно пытающегося раскрыть серию преступлений, новое убийство – это не просто хорошо, это замечательно. Это шанс получить наконец хоть какую-то зацепку, которая при удачном стечении обстоятельств поможет ему разгадать тайну шести, нет, теперь уже семи смертей.

Этим утром Лунин приехал на работу поздно, всего лишь за минуту до того, как он мог бы перейти из категории опаздывающих в категорию опоздавших. К его приезду почти все

места на парковке перед длинным серым зданием следственного комитета были заняты, и ему пришлось бросить машину почти в ста метрах от входа. Сто метров не такое уж и большое расстояние, особенно для мужчины в самом расцвете сил, каковым себя считал Лунин в те дни, когда затянувшаяся депрессия отступала. Однако сейчас их надо было преодолеть под разошедшимся не на шутку холодным, уже совсем не летним дождем. Попытки занять зонтик у кого-нибудь из сослуживцев успехом не увенчались и, когда Илья добежал до своего «форда», натягивая на голову ветровку, у которой еще в мае отстегнул капюшон, он уже изрядно промок. Сев в машину, Лунин завел двигатель и отдышался. Несмотря на его старания накрыть голову, вода затекла за воротник, и теперь мокрая рубашка липла к спине. Дождь еще сильнее замолотил по крыше машины. Интересно, как он будет в такую погоду осматривать место преступления? Илья включил дворники, которые заматались из стороны в сторону в судорожных попытках разогнать потоки воды, льющиеся по лобовому стеклу.

Ехать было недалеко. Уже через пятнадцать минут «эксплорер» въезжал в распахнутые настежь железные ворота, открывавшие доступ к вот уже несколько лет как заброшенной строительной площадке. Пять или шесть лет назад, сам Илья уже точно не помнил, на этом месте должен был появиться новый городской микрорайон, состоящий из таунхаусов. Поначалу строительство шло достаточно бойко, в первый же год, еще в мае, застройщик залил фундаменты будущих зданий, уже к августу появились стены, межэтажные перекрытия, а в сентябре на четырех из восемнадцати строящихся домов вовсю монтировали стропильные системы. Холода, пришедшие в город на месяц раньше обычного, заставили свернуть работы уже в октябре. Что произошло потом, не знал никто. Генеральный директор, а по совместительству и владелец строительной компании, улетел встречать очередной, обещающий быть весьма успешным, новый год на Гоа, однако 11 января, вопреки ожиданиям сотрудников и партнеров, в Среднегорск не вернулся. Все попытки связаться с пропавшим предпринимателем были безрезультатны. Еще более безуспешны оказались попытки найти деньги, необходимые для продолжения строительства. Счета компании, к удивлению оплативших полную стоимость жилья покупателей и вскоре появившихся в офисе компании следователей, оказались на удивление безденежны. Два счета были пусты полностью, а на третьем оставалась сумма, способная вызвать лишь недоумение у всех, кто смотрел на банковскую выписку. Тринадцать рублей тринадцать копеек. Окончательно убедившись, что деньги были переведены удаленно, при помощи флешки с цифровой подписью директора, арестованного впопыхах главного бухгалтера через пару месяцев отпустили, а фирма перешла под контроль внешнего управляющего. Что происходило далее, Лунин не знал, но судя по тому, что вот уже несколько лет на строительной площадке царили тишина и запустение, не происходило ровным счетом ничего.

Илья остановился на выложенной бетонными плитами площадке, на которой уже стояли несколько автомобилей, украшенных теми или иными характерными надписями и полосами, позволяющими идентифицировать их принадлежность к тем или иным ведомствам. Полиция, следственный комитет, скорая помощь, вновь полиция. Группа укрывшихся под одинаковыми черными зонтами мужчин сосредоточенно курила, с интересом поглядывая на вновь подъехавшую машину. Надо было открыть дверцу внедорожника и выйти под дождь, на улицу. Лунин бросил неуверенный взгляд на пассажирское сиденье, словно ожидая, что там из ниоткуда вдруг появится зонт, однако на сиденье валялся лишь забытый Юленькой свежий номер «Космополитена». Точно, Юленька брала машину в воскресенье, когда ездила к каким-то подружкам. Она еще оставила в машине этот самый журнал и дулась вчера весь вечер из-за того, что он сам забыл забрать его из машины. Кажется, в воскресенье утром тоже был дождь. Лунин вспомнил, как он неторопливо потягивал кофе, когда зашедшая на кухню жена чмокнула его в макушку и, недовольно взглянув в окно, пробормотала:

– Опять дождь. Что за лето такое паршивое?

– Угу, – промычал Лунин, делая еще один глоток кофе, – вдруг это надолго. Возьми с собой зонтик, вы ведь наверняка потом по магазинам гулять пойдете.

– Наверняка, – Юленька взъерошила ему волосы, – ты не скучай тут сильно.

В прихожей хлопнула дверь. Лунин расслабленно откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Тишина, покой, никуда не надо спешить, – разве от этого можно скучать? Этим надо наслаждаться. А ведь в холодильнике ждут своего часа четыре бутылочки отличного темного пива. День явно должен быть удачным, да и дождь, – Лунин бросил косой взгляд в сторону окна сквозь узкую щелочку полуприкрытых век, – судя по всему, долго не продлится. Если выглянет солнце, то можно будет выйти на балкон, прямо так, в трусах и белой футболке, и потягивать пиво из горлышка, глядя на маленькие фигурки спешащих через двор от автобусной остановки людишек.

Стоящие перед машиной сотрудники разных ведомств уже докурили и теперь смотрели прямо на Лунина, очевидно не понимая, почему он не считает нужным выйти из машины и присоединиться к их обществу. Один из них сделал несколько шагов и, отбросив в сторону окурок, хлопнул ладонью по капоту «форда». Ракитин. Тот самый следователь из районного управления, который звонил ему полчаса назад. Толковый парень, но больно уж наглый. Сейчас бы дать по газам да переехать эту ухмыляющуюся физиономию. Ну или хотя бы отдавить говнюку ноги, чтоб так не лыбился.

Лунин открыл бардачок, но там зонтика не оказалось. Он точно помнил, Юленька вернулась домой ближе к вечеру, немного навеселе, сунула ему в руки несколько пакетов с покупками и сразу же отправилась в ванную. Зонтика в руках у нее не было. Илья обернулся и взглянул на заднее сиденье, там было пусто. Он пошарил рукой по карманам на спинках передних сидений, однако вновь ничего не нашел. Снова раздался противный звук вибрирующего металла. Этот урод опять стукнул по капоту. Лунин, как мог, протиснулся между спинками сидений и теперь шарил рукой по полу в последней надежде найти зонт. Пальцы нащупали какой-то сверток, закатившийся под пассажирское сиденье. Лунин потянул находку к себе. Есть! Бинго! Он держал в руках зонт. Великолепный складной зонт-автомат, с маленькой элегантной ручкой. Лунин приоткрыл дверцу автомобиля, и струи дождя сразу же ударили в салон. Еще мгновение Илья колебался, однако потоки льющей с неба воды были столь сильны, что выбора у него не оставалось. Он вышел из машины и нажал кнопку на рукоятке. Что-то маленькое и блестящее полетело в сторону, а затем розовое, украшенное белыми бабочками пятно укрыло Лунина от дождя и позволило ему еще несколько секунд не видеть ухмыляющиеся лица своих коллег. Однако слышать их он мог прекрасно.

– Человек-мотылек пожаловал, – громогласно объявил Ракитин.

Все знали: Сергей Ракитин был основным претендентом на место Ильи в том случае, если Лунина действительно переведут обратно из областного в одно из районных управлений. И тем не менее он вызвал Лунина на место преступления, которое могло помочь сдвинуть дело с мертвой точки. Кому-то это могло показаться странным, кому-то – благородным. Сам Илья не наблюдал в данном случае ни первого, ни тем более второго. Его приезд на место убийства был выгоден Ракитину при любом варианте развития событий. Если окажется, что дело действительно надо рассматривать в привязке к серии предыдущих преступлений, то его заберут в областное управление по-любому, но Ракитин получит свой плюсики, так как первым разглядел сходство. Если же в итоге будет решено, что это убийство к серии не относится, то Ракитин ничего не теряет. Лунин просто тихо выругается и уедет обратно, в свой маленький кабинетик, грустить над накопившимися висяками. Даже если Лунин выругается громко, то это ничего не изменит, Ракитин лишь будет нагло улыбаться в ответ.

– Я смотрю, капитан, тебе сильно весело, – разница в звании была единственным, хоть и слабым, козырем Лунина, который он не стал держать в рукаве. – Может, ты уже дело раскрыл, раз так веселишься?

– Это я, Илья, тебе так радуюсь, – оскалился Ракитин, – ты у нас прям луч света в дождливом царстве. Где такой зонт взял красивый, на распродаже?

– Это жены, – буркнул Лунин, – случайно в машине оказался.

– Ну, бывает, – кивнул, сдерживая улыбку, Ракитин, – когда зонт жены случайно, это бывает. Главное, чтоб ты чего другого из ее вещей не примерил. Случайно.

Довольный собой, Ракитин захохотал. Илья успел заметить, как стоящие под зонтами люди прятали от его глаз расплзающиеся по лицам улыбки. Он повернулся к капитану и сделал быстрый шаг, подумав о том, что если сейчас коротко ударить Ракитина снизу прямо в челюсть, капитан наверняка полетит спиной прямо в черную мокрую глину. И никакое дзюдо не поможет. То, что Ракитин мастер спорта по дзюдо, знали почти все, в том числе и Лунин.

– Где тело, Сережа? – прошипел он в лицо Ракитину.

Тот, очевидно поняв, что несколько перегнул палку, в один момент стал необыкновенно серьезным.

– Пошли покажу. – Он решительно шагнул вперед, заставив Лунина посторониться.

Вскоре они стояли на краю огромного котлована, рискуя соскользнуть вниз и упасть на торчащие из залитого бетонного основания прутья арматуры. В центре нового микрорайона должно было стоять единственное высокое здание. По никому не известным причинам его строительство продвигалось самыми медленными темпами и за весь летний сезон был лишь вырыт котлован и залито основание фундамента. Очевидно, дом все же собирались строить, так как недалеко от края котлована был установлен башенный кран. Как и все прочее имущество обанкротившегося застройщика, кран был арестован за долги, однако почему-то до сих пор так никому и не был продан. Теперь он бессмысленно возвышался над залитой дождевой водой гигантской ямой, напоминая о несбывшихся планах и потерянных деньгах пайщиков, купивших квартиры в так и не построенном доме.

– Вон она. – Ракитин махнул рукой, указывая на середину бетонного прямоугольника.

Тело было видно плохо, а уж понять с такого ракурса и расстояния, мужчина это или женщина, было и вовсе невозможно.

– Ты спускался? – на всякий случай уточнил Илья.

Ракитин утвердительно кивнул.

– И что там?

Капитан пожал плечами.

– Сходи посмотри. Тебе понравится, – на его лице вновь мелькнула улыбка, – мы ничего не трогали до твоего приезда.

– С чего ты взял, что это мой клиент? – Лунин не спешил спускаться по почти отвесному скользкому откосу на залитую водой бетонную плиту.

– Все с того же, – Ракитин выразительно пошевелил пальцами правой руки перед лицом майора, – колечка-то нету.

– А оно было? – Лунин знал, что Ракитин отнюдь не дурак, и понимал, что тот сейчас ответит, но все еще, непонятно зачем, тянул время.

– Ну, естественно, – фыркнул капитан, – сейчас же вроде как лето, – он поднял глаза к небу, – полоску на пальце сразу видно.

– А остальное? – уже машинально спросил Лунин, выискивая взглядом наиболее безопасное место для спуска.

– Остальное на месте, – заверил его Ракитин, – деньги, кредитка, ключи от квартиры. Единственное только, – он на мгновение задумался, – я сережки не проверил. Но ты ведь сейчас пойдешь? Глянь тогда, а то вдруг это и вправду не твой клиент.

– Хорошо, гляну. – Илья с грустью взглянул на свои и без того уже промокшие ботинки.

Сделав два шага по скользкой глине, Лунин почувствовал, как земля заскользила у него под ногами. Был только один вариант устоять на ногах, и Илья, изо всех сил пытаясь удержать

равновесие, сбежал вниз по склону, думая лишь о том, чтобы не напороться на устремленные ему навстречу ржавые железные прутья. Это ему почти удалось. В последний момент, чувствуя, что вот-вот упадет, он отчаянно взмахнул руками. Послышался противный треск разрываемой материи. Лунин понял, что перед возвращением домой ему придется заехать в магазин и купить жене новый зонт.

– Ничего себе, ты вытворяешь, – послышался удивленный возглас сверху.

Лунин обернулся. Ракитин помахал ему рукой и одобрительно показал большой палец.

– Я, конечно, не знаю, может, ты и выбираться так будешь, – в голосе капитана явственно слышалась ирония, – но, если вдруг понадобится, мы вон там, – он махнул рукой куда-то в сторону, – лестницу спустили.

– Раньше-то не мог сказать? – возмутился Илья.

– Да как тебе скажешь? – заулыбался Ракитин. – Ты так рванул, что я рта открыть не успел.

– Сука, – еле слышно пробормотал Лунин и, осторожно выбирая дорогу между многочисленными выступающими из грязной жижи пучками железа, побрел к центру котлована.

Тело женщины, а это, несомненно, была женщина, так как мода на ношение юбок до мужского населения Среднегорска пока не добралась, лежало наполовину утопленное в залившей котлован грязной воде. «Ведь, небось, и сапоги резиновые у кого-то были», – запоздалая мысль ударила холодной каплей в затылок. Илья потер голову и неожиданно понял – дождь прекратился. Он поднял лицо к небу. Туча, еще недавно казавшаяся монолитной черной глыбой и закрывавшая все небо над городом, теперь неожиданно раскололась на несколько более мелких осколков, которые налетевший ветер с легкостью уносил куда-то к линии горизонта, в настоящий момент для Лунина совпадающей с неровными краями котлована.

Черная, средней длины юбка сбилась к бедрам и не скрывала стройные красивые ноги в туфлях, украшенных такими шпильками, что они могли поспорить длиной с некоторыми торчащими из воды обрезками арматуры. Куртка убитой не очень сочеталась с юбкой и вечерними туфлями, хотя и соответствовала захватившему власть в городе ненастью. Дождевик из грубой, похожей на брезент, ткани был женщине явно великоват, а плавающий в воде капюшон полностью скрывал ее лицо. Илья наклонился и отдернул мокрую ткань в сторону. Несколько мгновений он стоял неподвижно, затем вернул капюшон на место и выпрямился. Теперь ему было понятно, почему Ракитин не мог сказать, сняли ли с убитой сережки. Чтобы ответить на этот вопрос, сначала надо было отыскать ее голову.

Когда Лунин, замерзший и насквозь мокрый, с противно чавкающими при каждом шаге ботинками, наконец выбрался из котлована, Ракитин и еще несколько стоявших рядом с ним мужчин вновь курили и о чем-то негромко переговаривались. Приближение Лунина заставило их прервать беседу. Ракитин шагнул навстречу Илье и дружески хлопнул его по плечу.

– А ты молоток, я даже не думал, что ты так спокойно отреагируешь. – Он пошарил рукой за пазухой и извлек довольно большую фляжку, тускло блеснувшую отполированным металлом. – Выпей немного, согрейся.

Лунина трясло от холода. Он взял протянутую ему фляжку, но открывать не спешил.

– Коньяк? – уточнил он. – Сам, небось, уже приложился?

– Само собой. – Ракитин разом согласился и с первым и со вторым вопросом. – Пей уже, а то здесь желающих вон сколько. – Он небрежно оглянулся на молча кутивших за его спиной мужчин.

– Время смерти установили? – Илья крепко сжимал в руке флягу с коньяком, не собираясь ни с кем делиться.

– Нет пока, – покачал головой капитан, – медэксперт сказал, что в эту лужу под дождем не полезет. Да и остальные тоже, все на арматуру боятся напороться. Я один только и спускался. Ну и ты у нас герой оказался.

Он глубоко затаился и с явным удовольствием выпустил струю дыма поверх головы Лунина. Илье вновь захотелось ударить Ракитина, и он не стал сдерживаться.

– Ничего не трогали, ничего не делали, коньячок попивали. Я ничего не путаю? Ты поправь, если что не так. Мне ведь еще рапорт писать.

Он неторопливо открыл колпачок фляжки и на глазах остолбеневшего Ракитина вылил остатки коньяка прямо в грязь.

– Вот так, значит? – процедил, сжимая кулаки, Ракитин.

– Вот так, капитан, – ухмыльнулся Лунин, – тело немедленно осмотреть, извлечь и отправить на вскрытие. Результаты вскрытия доложите мне лично, сразу же по получении. Вам все понятно?

– Понятно, – Ракитин побледнел от злобы, а еще больше оттого, что не мог этой злобе дать выход, – я фляжечку могу забрать?

– Держите. – Лунин отдал ему пустую флягу. – Кстати, сколько при убитой было обнаружено денег?

– Да немного, рублей шестьсот всего, – быстро ответил Ракитин.

– Я не спрашиваю, сколько осталось. Я спрашиваю, сколько было при ней, когда вы осматривали тело?

– Вот я сейчас не понял, – набычился Ракитин. Стоявшие у него за спиной люди подошли ближе, с интересом слушая их разговор.

– Дайте сюда свой кошелек, – потребовал Лунин.

– Ты что, майор, ничего не попутал? – дернулся было Ракитин, но неожиданно один из стоявших рядом мужчин придержал его за плечо.

– Капитан, покажите мне свой кошелек. – Илья произнес фразу медленно, делая паузы после каждого слова.

– Да пожалуйста, – фыркнул Ракитин, доставая из кармана кожаное портмоне.

Лунин плохо слушающимися, замерзшими пальцами расстегнул застёжку. Так и есть. Кожаный кошелек не давал мокрым купюрам высохнуть. Одна пятитысячная и четыре тысячных купюры точно принадлежали жертве. Принадлежность еще двух купюр нельзя было определить с уверенностью. Они сильно отсырели, но, скорее всего, только из-за соседства с насквозь промокшими деньгами убитой. Илья достал мокрые купюры из кошелька, сунул их в руку стоящему неподвижно Ракитину.

– Внеси в протокол осмотра. Я потом проверю. Если не увижу, будет рапорт. Ты понял?

– То есть пока рапорта не будет? – Сергей пристально смотрел на Лунина.

– Я не писатель, Сережа. Я следователь, – усмехнулся Лунин, понимая, что одержал пусть маленькую, но победу. – Территорию всю проверили? Надо найти голову.

– Да как проверить? Такой ливень был, – начал оправдываться признавший свое поражение Ракитин, – лестницу хоть нашли, уже хорошо.

– Звони в местный отдел, пусть пришлют народу как можно больше, надо прочесать этот долгострой. Не мог же он ее сюда без головы притащить. Наверняка здесь и убивал.

– Кто знает, – Ракитин задумался, – я тоже думаю, что убивал здесь, но вот голову мог потом увезти запросто.

– Зачем? – коротко спросил Лунин.

– А зачем ее было вообще отрубать? – вопросом на вопрос ответил Ракитин. – Такое вообще может иметь объяснение? Это выше человеческого понимания. Или ниже. Черт знает, как сказать правильно.

– За гранью, Сережа. Это называется за гранью.

Илья достал из кармана пачку «Парламента» и шелкнул зажигалкой. Когда маленький язычок пламени коснулся сигареты, Лунин сделал глубокий вдох и почувствовал, как вместе с табачным дымом в него входит накопившееся за день ощущение усталости.

– Надо найти голову, – повторил он и, не обращая больше внимания ни на Ракитина, ни на остальных, побрел к машине, намереваясь включить печку и попробовать хоть немного согреться.

Однако его мечтам о теплых, а лучше горячих струях вырывающегося из дефлекторов автомобиля воздуха не суждено было сбыться. Ему навстречу шли двое – полицейский сержант с унылым, серым, как и его форма, лицом и полный немолодой мужчина в расстегнутом плаще, наброшенном прямо поверх майки, и старых, отвисших в коленях тренировочных штанах. Мужчина что-то оживленно пытался объяснить сержанту, но тот лишь недовольно морщился, не в силах прервать льющийся на него поток слов.

– Вот гражданин, с биноклем.

Сержант с явным облегчением передал толстяка Лунину. Илья только сейчас заметил, что мужчина на самом деле сжимал в руке небольшой черный бинокль. Поняв, что у него появился шанс поведать свою историю тому, кто, возможно, будет готов слушать, толстяк ожилился и неожиданно высоким голосом начал быстро рассказывать:

– Я живу здесь рядом, в башне.

– С привидениями, – машинально пробормотал Лунин.

– Ну зачем так? – обиделся толстяк. – С балконами. Вон мой балкон, кстати, отсюда отлично видно, – он обернулся и указал рукой на одноподъездный высотный дом, нависающий над забором заброшенной стройки, – шестнадцатый этаж.

Лунин молча кивнул, давая возможность мужчине продолжить повествование.

– Так вот, я курю. Курю давно, уже лет сорок, наверное. Но представляете, – мужчина досадливо наморщил лоб, – жена не разрешает мне курить в квартире. Вот вы курите?

– И жена у меня тоже есть, – усмехнулся Лунин.

– И как? – с надеждой спросил толстяк.

– Да так же, – не разочаровал его Лунин.

– Значит, вы меня понимаете, – мужчина коснулся плеча следователя, но, поняв, что переходит границы дозволенного, быстро отдернул руку, – так вот я курю на балконе. Каждые два часа. Вид с балкона, конечно, не бог весть какой, любоваться особо нечем, поэтому сегодня это автомобильное скопление я заметил сразу, еще не успел закурить. Вначале даже подумал, неужели решили достраивать? Потом гляжу, машины какие-то не те, – он кивнул на полицейский уазик, – не строительные. И тут, знаете, мне так любопытно стало, что я не утерпел, взял бинокль. У меня, видите ли, бинокль есть, вы не подумайте чего плохого, даже и не помню, откуда он появился.

– Бывает, – флегматично заметил Лунин. Он уже так замерз, что начал стучать зубами, несмотря на появившееся из-за разбежавшихся туч солнце.

– Верно, – подхватил толстяк, – так вот, стал я смотреть в бинокль. Как раз успел увидеть, как вы в котлован спускались. Хочу сказать, очень рискованно, очень. Я бы так не решился.

– Давайте по делу, – наконец не выдержал Лунин.

– Так мы как раз к делу и переходим, – заверил его толстяк, – дождь же как раз кончился, видно стало лучше. Машины-то полицейские я разглядел быстро, а вот над чем вы в котловане склонились, понял не сразу. Но понял, – мужчина торжествующе улыбнулся, – а потом, знаете ли, совершенно случайно повел биноклем в сторону и увидел... – Толстяк неожиданно подмигнул Лунину и громко зашептал: – Вам надо самому посмотреть, вас это очень, – он прищмокнул губами и с явным удовольствием повторил: – Очень заинтересует.

Одной рукой он протянул бинокль майору, а другой ткнул куда-то вверх. Илья не сразу понял, куда именно надо смотреть. Наконец найдя нужную точку и немного подправив регулировки бинокля, он смог рассмотреть, на что именно указывает его собеседник.

Она тихо покачивалась на ветру, поворачиваясь из стороны в сторону так, что Лунин никак не мог понять, открыты ли у нее глаза. Для чего ему была эта информация, он и сам

не знал, но долго вглядывался в окуляры, пока наконец не увидел то, что было ему нужно. Ее глаза были закрыты, а лицо равномерно покрывали одинаковые, словно нанесенные безумным татуировщиком, узоры. Хотя, конечно, никаких узоров не было. Это была сетка, обыкновенная рыбацкая сетка, в которую была замотана голова убитой. Сама эта сетка была накинута на стальной крюк возвышающегося над заброшенной стройкой подъемного крана.

– Ну как? – нетерпеливо полюбопытствовал толстяк.

Лунин опустил бинокль. Если бы он мог наблюдать себя со стороны, то увидел бы, что вокруг глаз у него отпечатались бледные круги – следы от окуляров.

– А я смотрю, вас такое зрелище не сильно удивило. – Он с подозрением рассматривал мужчину.

– Да что тут особенного? – Толстяк пренебрежительно махнул рукой. – Я такое каждый день вижу.

– Это где это? – Илья удивленно поднял брови.

– Так на работе, – пояснил мужчина, – я же на мясокомбинате работаю, обвальщиком. Ну, мясо от костей отделяю.

– Я понял, – кивнул Лунин. – А чего вы не на работе-то? Вроде вторник.

– Так ведь отпуск, – улыбнулся толстяк, – отдыхаю. Вот завтра, если потеплее будет, на дачу поеду. У вас, кстати, есть дача?

– Сергей, – отвернувшись от толстяка, Лукин поманил к себе Ракитина, – нам крановщик нужен.

– Кто, крановщик? – не понял Ракитин. – Зачем?

– А вот товарищ тебе все объяснит. – Лунин сунул бинокль в руки ничего не понимающему Ракитину, похлопал толстяка по плечу и зашагал к машине. Он знал, что уже поздно, ноги слишком долго были мокрыми и наутро он наверняка заболеет. Но желание наконец согреться от этого меньше не становилось. Сев в машину и заведя уже остывший двигатель, Илья с сожалением подумал о коньяке, который он сгоряча вылил из ракитинской фляжки. Коньяк сейчас был бы очень кстати.

Глава 6, *в которой Лунин болеет, осень наступает, а руководство, как всегда, недовольно*

Сентябрь 2019 года

Чайник кипел уже третий раз за день, хотя еще не было и двенадцати. Илья поправил ворот водолазки и бросил в кружку чайный пакетик. Чудодейственные растворимые порошки, которые, согласно уверениям на упаковке, должны были снять все симптомы простуды и облегчить его жизнь на ближайшие двенадцать часов, в горло больше не лезли и вызывали лишь долгую едкую боль в желудке. Простуда, уже третий день терзавшая Лунина, очевидно, получила немалое наслаждение, наблюдая за мучениями майора, и отступать явно не собиралась. Илья хлебнул чая и вновь, уже второй раз за день, обжег язык. Это было больно, но, как ни странно, боль в языке вытесняла головную боль, и от этого на некоторое время даже становилось легче. Интересно, если ударить по ноге молотком, ну или хотя бы степлером, может быть, от этой боли ему станет совсем хорошо? Илья задумчиво покрутил в руках массивный синий степлер и осторожно поставил его на стол.

Результаты вскрытия, которые ему еще вчера передал на удивление доброжелательный Ракитин, подтвердили то, в чем сам Лунин был уже абсолютно уверен. Дело надо было забирать из района и объединять с шестью уже имевшимися у него на руках. Теперь их будет семь. Интересно, сколько их станет к тому времени, когда руководство поймет, что он, Лунин, не в силах что-либо сделать? Восемь? Девять? Шестнадцать? Или вопрос с его переводом решится гораздо быстрее? Кроме результатов вскрытия, к которым Лунин сам отношения не имел, больше следствие ничем не располагало. Новая жертва, как и все предыдущие, была замужем, но детей не имела. Алиби мужа было установлено практически моментально, и сомневаться в нем, к глубокому сожалению Лунина, не имело смысла. Никаких свидетелей последних минут жизни убитой установить не удалось. Как всегда, вечером она попрощалась с коллегами, вышла из здания многофункционального центра, в котором работала уже несколько лет, и направилась к автобусной остановке, до которой ей надо было пройти около двухсот метров. Не так уж и много. Однако этого вполне хватило для того, чтобы женщина бесследно исчезла со своего привычного маршрута и была найдена уже мертвой.

Лунин допил чай и взглянул в зеркало. Для насквозь простуженного он выглядел не так уж и плохо, разве что был чуть бледнее обычного. Но полковник Хованский, как, впрочем, и большинство полковников, мало интересовался оттенком кожи своих подчиненных, особенно если эти подчиненные были мужчинами.

В приемной Хованского, кроме Светочки, что-то увлеченно разглядывающей на мониторе, никого не было. Увидев Илью, Светочка подарила ему очаровательную улыбку и тут же с вечно поражающей Лунина скоростью состроила печально-озабоченное выражение лица и сочувственно спросила:

– Ну что, это он? Все тот же?

Лунин несколько раз печально кивнул. Амплитуда кивков с каждым разом становилась все меньше, последний раз голова вообще чуть дернулась, словно силы полностью покинули разочарованного в себе майора.

– И кольцо нашли? В желудке?

– Ну да, все, как обычно.

Илья присел на один из стоящих в приемной стульев, дожидаясь возможности попасть в кабинет Хованского. Непонятная привычка преступника, заставлявшего своих жертв перед смертью проглатывать обручальные кольца, и позволила объединить в одно дело несколько непонятных и совершенных разными способами преступлений. Однако до этого, какими бы жестокими ни были совершенные убийства, головы жертв, как и остальные части их тел, всегда оставались на месте, исчезали лишь серьги. Лунин привычно вздохнул. В отличие от него, преступник движется вперед.

Дверь кабинета Хованского распахнулась, и в приемную вышел мрачный майор Дубравин, занимающийся раскрытиями экономических преступлений. Впрочем, его угрюмость вовсе не обязательно была следствием общения с руководством. Лицо майора было мрачным почти всегда, и только в обеденный перерыв, выпив обязательный второй стакан компота, Дубравин позволял себе легкое подобие улыбки, которое, впрочем, почти сразу исчезало где-то между худыми выпирающими скулами и мощным тяжелым подбородком.

Светочка ненадолго скрылась в кабинете шефа, а затем, появившись вновь, широко распахнула дверь перед Луниным. Перед тем как зайти в кабинет полковника, Илья на мгновение замер, но, увидев ободряющую улыбку секретарши, решительно шагнул вперед.

Суровый взгляд Хованского заставил Лунина мгновенно забыть и о Светочкиной улыбке, и о ее блузке, расстегнутой на одну пуговицу больше, чем это стоило делать секретарю руководителя областного управления следственного комитета.

– Ну что, – проскрипел Хованский, – тебя можно поздравить? Вляпался в очередное дерьмо?

– Как-то так, – не стал спорить Лунин.

– «Как-то так», – передразнил его полковник, – да вот уже не так, я смотрю. Уже хлеще, чем было, дерьмо-то новое.

– Если верить тому, чему нас когда-то учили, – Лунин чувствовал себя глупо, излагая азбучные истины шефу, – раз он начал менять манеру, значит, хочет привлечь к себе внимание. Есть надежда, что в конце концов он оставит, может быть, даже намеренно, следы, которые приведут нас к нему.

– Вот как? – изумился Хованский. – Вас этому учили? Обалдеть можно! Это что ж за наука такая?

– Так ведь психология, – неуверенно пробормотал Лунин, – она тоже наука.

– Да? – еще больше изумился Хованский. – Удивительное дело! Настолько удивительное, что я понять не могу, Илюша, как ты с такими умными мыслями до майора дослужился. Как? – выкрикнул полковник, вскакивая со своего кресла. – Ты что несешь? Что значит «в конце концов»? В чьем конце? В твоём или моём? Или нашем вместе, когда нас с тобой обоих с работы попрут за профнепригодность?

Раскрасневшийся Хованский налил себе из пузатого графина полный стакан воды и залпом опустошил его. Ослабив на шее галстук, Дмитрий Романович вплотную приблизился к Лунину и, наклонившись к нему, неожиданно доверительно произнес:

– Илюша, может быть, твои психологи и правы. Они даже правы наверняка. Он ведь не робот какой-то, а раз так, значит, и ошибиться когда-то должен. Но только времени у нас нет, не можем мы ждать, когда он надумает ошибиться. А знаешь почему?

– Никак нет, – Лунин чувствовал тяжелое дыхание полковника над левым ухом, которое вдруг неимоверно начало чесаться, так что он едва сдерживался.

– Да потому, – Хованский выпрямился и направился к своему креслу, воспользовавшись моментом, Лунин тут же начал тереть горящее ухо, – что прежние дела перешли к нам из районов. Мы всегда могли объяснить, что время упущено, что на местах недоработали, что мы тоже не всесильны. Ну, должен понимать, не маленький.

– Конечно. – Лунин тряхнул головой, уже понимая, к чему клонит шеф.

– А теперь что мы можем сказать? Преступление свежее, следы свежие. Что мы теперь скажем – что у нас мозги просроченные? – Хованский с силой хлопнул ладонью по столу. – Так нам обоим быстро замену найдут. В общем, Илюша, я сегодня имел разговор со столицей. Если за две недели мы не продвинемся, нам обещали прислать человека. Есть там у них один, полковник Реваев, тот еще умник. – Хованский устало помассировал пальцами переносицу. – С ним на самом деле может быть полезно поработать, но только запомни, Илья, как следует: если ты меня до такого позора доведешь, то работать с Реваевым ты точно не будешь. Да и вообще, – он с грустью взглянул на Лунина, как сытый хищник, отпускающий уже переставшую сопротивляться жертву, – с работой у тебя будут нестыковки. Ну, должен понимать.

– Не маленький, – согласился Лунин.

– Вот и славно, – обрадовался Дмитрий Романович. – Две недели у тебя есть. Так что действуй, Лунин. Нестандартно действуй! Надеюсь, ты меня удивишь. Очень на это надеюсь. Если вдруг какая нужна помощь, обращайся сразу. Кстати, о помощи. Я сегодня утром заехал на место этого убийства, не все же в кабинете отсиживаться. И знаешь, что я скажу?

– Пока нет, – вновь напрягся Илья.

– Вы отвратительно отработали место преступления. Я пробыл там пять минут и нашел вещдок, которого не было в протоколе осмотра.

– Там вообще-то район работал, группа Ракитина, – мгновенно постарался обезопасить себя Лунин. – А что нашли-то?

– А вот что! – Полковник торжествующе достал откуда-то из-под стола прозрачный пакет, внутри которого лежало нечто, еще несколько дней назад бывшее ярко-розовым, с белыми порхающими по кругу бабочками, женским зонтом. – Наверняка принадлежало убитой.

– Да нет, она жива, – глупо улыбаясь, пробормотал Лунин.

Полковник, до которого, очевидно, стало доходить, что его подчиненный немного болен, выпучил глаза.

– Илюша, у тебя как с головой, все нормально? Кто живой?

– Жена моя, – Илья никак не мог прогнать с лица идиотскую улыбку, – это ее зонтик, в машине у меня валялся. Порвал случайно, когда в котлован лез, вот и выбросил. Хороший был зонт, жалко.

– Ну да, – неопределенно промычал Хованский, бросая пакет с остатками зонта в мусорную корзину.

– Разрешите идти? – облегченно вскочил Лунин.

– Подожди, – полковник вновь выдвинул ящик стола и вынул из него небольшую книжку в мягкой обложке, – на, взгляни, – он бросил книжку на стол. – Вчера вечером с женой разговаривал про этого душегуба нашего. Веришь, нет, лет десять уже, как я с ней о работе не говорил, – он цокнул языком и вновь потянулся к графину с водой, – но ведь отрубить голову, я такого за всю жизнь не встречал! Да еще эти кольца, будь они неладны, – вода зажурчала, заполняя стакан, Лунин с трудом слотнул слюну в пересохшее горло. – И вдруг, представляешь, Лена Вадимовна, супруга моя, заявляет, мол, все, как по книге. Вы, говорит, у себя на работе хоть кто-нибудь книги читаете?

Хованский с видимым наслаждением сделал большой глоток.

– Я ей, конечно, объяснил, что на работе мы книги не читаем, не положено, а дома людям тоже не до этих глупостей. Тогда она выходит из кухни, представляешь себе, – возмущенно округлил глаза полковник, – молча так выходит, а потом возвращается и приносит мне эту книжечку. На, говорит, почитай.

– И что? – заинтересовался Лунин.

– Как что? – не понял вопроса Хованский. – Вот возьми и почитай. Завтра мне все подробно расскажешь.

Когда Лунин, осторожно прикрыв за собой дверь, вышел из кабинета полковника, Светочка тут же бросилась ему навстречу.

– Ну как? – было видно, что в ответе она уверена и готова искренне, хоть и неглубоко посочувствовать несчастному Лунину, получившему очередной нагоняй от шефа.

– Да ничего вроде, – пожал плечами Илья, – вот книгу дал почитать.

– Книгу, какую книгу? – оторопела Светочка.

– Детектив, кажется, – усмехнулся Лунин и вышел из приемной, чувствуя на спине удивленный взгляд секретарши.

Когда Лунин вернулся домой, Юленька, выглянув из комнаты, махнула ему рукой и вновь скрылась из виду. Было слышно, как она с кем-то болтает по телефону. Стянув с ног ботинки, Илья прошел на кухню. Судя по запахам, точнее, их полному отсутствию, приготовление ужина находилось в фазе затяжного планирования. Наполнив кастрюлю водой из-под крана, Лунин поставил ее на плиту. Насколько он помнил, в морозилке еще оставалась пачкапельменей. Пельмени Луину нравились. Ему не нравилось отсутствие приготовленного женой ужина, уже третий раз на этой неделе. Может быть, как-то намекнуть Юленьке, что она могла бы уделять немного больше времени домашним делам? Илья поморщился, отгоняя прочь глупые мысли, аккуратно закрыл кастрюлю крышкой и пошел в спальню переодеваться. Натянув старые, потертые в коленях джинсы и любимую футболку с надписью *I want to break free* и давно растянувшимся воротом, он вернулся на кухню, закинул пельмени в начинающую закипать воду и уселся на табуретку, придвинув к себе ранее брошенную на стол книгу. «Иван Короленко „Кольца проклятых“», – прочел он надписи на обложке. Кроме броского заголовка и написанного чуть меньшими буквами имени автора, книга была украшена изображением какой-то поверхности, возможно, обеденного стола, на котором отчетливо были видны два предмета. Золотое, очевидно, обручальное кольцо и стеклянный стакан с напитком желтого цвета. Илья некоторое время рассматривал незамысловатую обложку, затем на его лице отразилось изумление. Он вспомнил, что во всех случаях в желудках у жертв были обнаружены следы употребления газировки. Очевидно, убийца, заставляя несчастных женщин глотать обручальные кольца, давал им возможность запить, причем из раза в раз это был один и тот же «Дюшес», имевший именно такой, отвратительный, чем-то похожий на мочу цвет, как на обложке еще не раскрытой Луниным книги.

Шипение льющейся на раскаленную плиту воды вывело Илью из созерцательного состояния и на время заставило забыть и о книге, и о разыскиваемом преступнике. Скинув крышку с кастрюли и уменьшив нагрев, Лунин тщательно вытер мокрую панель, после чего тщательно промыл грязную тряпку.

– У тебя опять что-то убежало? – Голос жены застиг его врасплох. – Илюша, ну какой ты у меня беспомощный. Ты уже закинул пельмени? Жаль, если бы ты потерпел немного, я бы приготовила плов.

Разочарование в голосе Юленьки было настолько искренним, что Лунин смутился. Затем тихий голос скрывающегося где-то в подсознании скептика подсказал ему, что продуктов на плов, за исключением остатков риса, в доме все равно не было, и смущение куда-то исчезло. Илья поцеловал жену в подставленную щеку и неуверенно пробормотал:

– Ну что поделать, поедим сегодня пельмени. Плов можно и завтра сделать.

– Насчет завтра не уверена, – покачала головой Юленька, – у меня вечером косметолог. Но на днях непременно.

Она подарила мужу ослепительную, когда-то сводившую его с ума улыбку и положила на стол вилки, внося свой посильный вклад в приготовление ужина. Управившись с едой первой, Юленька налила себя чая и ускользнула в спальню, неожиданно вспомнив, что ее любимый сериал уже три минуты как начался. Лунин не возражал. Поводив шумовкой в белесой воде, он обнаружил на дне кастрюли еще несколько разварившихся комочков теста, теоретически

заполненных мясом молодых бычков. Обильно полив пельмени кетчупом, Лунин заглянул в холодильник. Недопитая бутылка водки тоскливо ютилась в дверной нише. Налив себе полную рюмку, Илья затем щедро присыпал сверху черного перца. Выпив водку залпом, он удовлетворенно ухнул и закинул в рот пельмень, и ещё разок повторил всю процедуру. После третьего круга Лунин почувствовал себя значительно лучше. Он некоторое время колебался в раздумьях, не опрокинуть ли ему еще рюмочку. Согласно народному рецепту, лечение простуды водкой с перцем предполагало изрядное количество как первого, так и второго. Вся хитрость заключалась в том, чтобы суметь удержаться на тонкой грани между лечением и обычным пьянством в случае слишком сильного увлечения первым ингредиентом или язвой желудка при переизбытке второго.

Вымыв посуду, Илья тщательно вытер руки и вновь уселся за стол. Юленька, торопясь уйти с кухни, даже не обратила внимания на лежащую на столе книгу. Полистав страницы, Лунин остановил внимание на последней стороне обложки.

«Иван Андреевич Короленко, выдающийся писатель современности, автор более пятидесяти книг в жанре мистического детектива, триллера. Книги И. Короленко переведены более чем на двадцать языков, издаются в пятидесяти странах мира. По трем из них сняты телевизионные сериалы, а роман „Безмолвная смерть“ стал основой для фильма „Безмолвие смерти“, с успехом показанного на киноэкранах многих стран мира. Мистический детектив „Кольца проклятых“ написан в лучших традициях автора, с первых страниц захватывая внимание читателей».

Илья недоверчиво раскрыл книгу. Последний раз что-то, не связанное с работой, он читал лет пять назад, а может быть, даже больше. Чтение вообще не было популярным видом досуга среди его коллег. Хотя, сейчас он тоже не отступал от сложившейся традиции. Если верить жене Хованского, книга имела какое-то отношение к совершенным убийствам. Конечно, мнение пожилой домохозяйки, пусть даже она жена целого полковника, мало интересовало Илью, но вот обложка... Он включил чайник, намереваясь закрепить свои успехи в борьбе с простудой чаем с малиновым вареньем, запасы которого неустанно пополняла его мама, регулярно навещающая своего уже выросшего, но так и оставшегося для нее малышом сынульку.

Когда чайник вскипел и выключился, Лунин, погруженный в чтение, не обратил на него никакого внимания. Когда Юля, уже закончив просмотр всего, что можно просмотреть перед сном по телевизору, вышла затем из ванной, он машинально, не поворачивая головы, пробубнил «спокойной ночи» и перевернул очередную страницу. Когда стрелки больших настенных часов с изображенным на циферблате далеким городом с усыпанными огнями небоскребами приблизились к четырем, он отложил книгу на стол и устало потер глаза. Вновь включив уже давно остывший чайник, Илья открыл окно и закурил, стараясь выпускать дым на улицу. Дома он, как правило, курил на балконе. Поскольку это правило, установленное Юленькой, было достаточно жестким, то на балконе он курил всегда, однако сейчас, чтобы попасть на балкон, надо было пройти через спальню со спящей женой, чего Лунин делать не решился. Идти курить на лестницу было, в его понимании, унижительно, поэтому он решил рискнуть. Свежий воздух, врываясь в распахнутое окно, охлаждал грудь, напоминая о еще не вылеченной простуде. Илья торопливо затянулся, бросил сигарету в темный проем и закрыл окно. Чай. Чай с малиной. Вот то, что ему сейчас точно нужно. А еще как следует выспаться. Лунин бросил взгляд на часы и помрачнел. Выспаться явно не удастся. Через три часа уже надо будет вставать. Настроение сразу испортилось, и чай пить расхотелось, однако Илья все же налил в чашку кипятка, а затем добавил в него две ложки малинового варенья. Чтобы хоть как-то поднять ударившееся об пол и замершее где-то в ногах настроение, он вновь открыл холодильник и достал почти пустую бутылку. Водки оставалось всего несколько глотков. Лунин приложил бутылку ко рту и сделал эти несколько глотков холодной жидкости, которая, попадая в организм, неожиданно дарила

такое приятное, хоть и недолгое чувство тепла и безмятежности. Запив водку чаем с малиной, Лунин пошел спать, оставив на столе невымытую чашку с красными зернышками малины на доньшке, пустую водочную бутылку и книгу с мрачным, пугающим названием и еще более мрачным, полным крови и ужаса содержанием.

Жужжание будильника он не услышал. Лунин проснулся лишь тогда, когда раздраженная Юленька начала энергично толкать его в спину.

– Я иду. Иду. – Не открывая глаз, Илья выключил будильник и сел на краю кровати. Голова его незамедлительно начала клониться к груди, а когда подбородок наконец достиг своей цели, Лунин удовлетворенно всхрапнул. На его счастье, еще не успевшая заснуть Юленька раздраженно ткнула его чуть ниже левой лопатки. Поняв, что поспать уже не удастся, Илья одной рукой нашарил на прикроватной тумбочке телефон, а другой нашел валяющиеся у кровати носки. Удовлетворенный результатом поисков, он лениво зевнул и побрел из спальни. Его форму, которую, придя с работы, он изо дня в день убирал на плечиках в шкаф, жена, перед тем как лечь спать, предусмотрительно выносила в прихожую и вешала на спинку стула.

Первая чашка кофе не оказала ожидаемого благотворного воздействия, но на вторую времени уже не хватало. В банке кофе оставалось совсем на доньшке, его хватило бы на две, максимум на три чашки. На работе у Лунина был только чай в пакетиках. Подумав, Илья решил, что не будет большой беды, если он заберет кофе с собой. В конце концов, зачем Юле кофе, если она встает не раньше одиннадцати? Да и потом, буквально в соседнем доме есть магазинчик, в который можно при желании сбегать. Опасливо покосившись на дверь спальни, Лунин сунул банку с остатками кофе в карман куртки. Взглянув на часы, он понял, что, как всегда, опаздывает и, схватив со стола книгу, выскочил из квартиры.

Успев проскочить несколько перекрестков на загорающийся желтый, Лунин приехал в управление даже на несколько минут раньше обычного. С несвойственной ему поспешностью он взбежал на третий этаж и устремился к своему кабинету. Пока компьютер, гудя и потрескивая, как всегда, неторопливо прогружался, Илья успел вскипятить чайник и сделать кофе. Усиленно размешивая брошенную в кофе чайную ложку сахара, он наконец дождался возможности приступить к работе и вбил несколько слов в поисковик. Получив результаты поиска, он открыл сайт, появившийся в числе первых, и приступил к чтению. Уже через несколько секунд его брови удивленно взметнулись вверх, а еще примерно через такое же время Лунин пробормотал: «Ну надо же» – и отхлебнул кофе. Закончив с чтением, майор удовлетворенно улыбнулся. Простуда, нещадно мучившая его три дня, наконец отступила. Очевидно, водка была смешана с перцем в идеальных для достижения результата пропорциях. Допив кофе, Илья отставил чашку на тумбочку и вновь вернулся к работе. Создав в компьютере пустой документ, он скопировал в него часть информации с только что прочитанного им сайта. Немного отредактировав полученный текст, Лунин довольно хмыкнул и отправил его на печать. Принтер, громко жужжа, выдал ему лист бумаги, с одной стороны почти полностью заполненный еще теплыми буквами. Илья еще раз прочитал уже перенесенный на бумагу текст и, к своему удовлетворению, пришел к выводу о его полной идентичности с тем, что он только что видел на экране компьютера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.